

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

СЕРИЯ • ПРИЧАЛЫ ЛЮБВИ • РОМАНЫ

18+

Вячеслав Сукатев
**ПРИГОВОРЕННАЯ
ЗАМУЖ**

Вячеслав Сукачев

Приговоренная замуж

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сукачев В. В.

Приговоренная замуж / В. В. Сукачев — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-5320-9346-1

Героиня романа Нелли Земляникина - счастливая любовница и совершенно несчастная жена, волею обстоятельств чередующая секс с душевными переживаниями. Как выразился один из критиков журнальной публикации романа: "Вячеслав Сукачев предлагает нам русский вариант знаменитого романа Флобера "Мадам Бовари". В нем тоже трагедия соседствует с фарсом, порок - с добродетелью, а все вместе дает нам возможность узнать о жизни обыкновенной русской женщины второй половины XX столетия". Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5320-9346-1

© Сукачев В. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	12
III	22
IV	31
V	42
Часть вторая	52
I	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Часть первая

I

Стылой декабрьской ночью высоко над Покровкой стояли тусклые звезды, ущербная луна висела над горизонтом и длинные, размытые тени деревьев сумрачно чернили снег. Однако к утру звезды обозначились ярче и крупнее, так как луна спряталась за горизонт... От холода громко взлаивали деревенские псы, постреливали в лесу деревья, да на опушке настойчиво и сыто ухал, словно в трубу дул, удачно поохотившийся филин...

Низко над горизонтом холодно и тревожно сияла утренняя звезда Венера.

Молодой сельской учительнице, Нелли Семеновне Землянкиной, снился удивительно приятный сон. Двадцать пять девчонок, только что поступивших в педучилище, но так и не переступавших порог аудитории, дружно отправляются на осеннюю кетовую путину в Амурский лиман. Ранняя осень. Самый разгар бабьего лета. Плывут паутинки и птицы над головой... Первое, самое первое в их жизни самостоятельное путешествие на маленьком теплоходике «Бирюза». Впереди – заманчивая жизнь без папы и мамы, без школы и соседей. Рядом – первая подруга, уже теперешняя, из училища, Рита Калинкина. А под ногами вздрагивает металлическое тело белого теплохода, неторопливо поднимающегося вверх по Амурскому лиману...

– Смотрите! – вопят с правого борта девчонки и тычут пальцами куда-то вперед, в тяжелые волны, покрытые пенными гребешками. – Собака! За нами чья-то собака плывёт...

Нелли бросается на правый борт. И так обидно – никого там уже нет. Но девчонки уверяют, что было и будет опять. И в самом деле – вскоре появилась над водой темная собачья морда: вынырнула метрах в семидесяти и тут же опять ушла под воду.

– Ой! Она же тонет! – закричала Рита.

«Тонет, тонет, утонет», – с лихорадочной жалостью думает Нелли.

– Дяденька, там собака тонет...

– Дура! Разуй глаза, – усмешливо ответил дяденька, механик теплоходика. – Вы что, нерпу никогда не видали?

Нет, нерпу они не видали. И стояли, смущенно-пристыженные, разглядывая лоснящуюся морду нерпы с блестящими кругляками любопытных глаз. В самом деле, как они могли перепутать?

– Говорят, – шепчет Рита, высокая и стройная, даже, может быть, худая, с веснушками на длинноватом носу, – нерпа произошла от собаки... Ну, оставили где-то на островах охотники собаку, она с голода начала есть рыбу, и сама потом стала как рыба... А что, ведь может так быть?

И тут из-за крутого поворота показался продолговатый полуостров с несколькими десятками темных, приземистых домов, длинный деревянный пирс и цех рыбокомбината на сваях. Еще они увидели десятка полтора разномастных собак, сидевших вдоль берега и спокойно наблюдавших за приближающимся теплоходом. Казалось, зайди они в воду, и уже не отличишь, где собаки, а где нерпы и кто в кого превратился – еще вопрос...

– Кошмар, – прошептала Ритка, прижимая Неллину руку к тощему боку. – Красотища-то какая...

Просыпается Нелли потому, что в стену настойчиво стучат. Она резко вскидывается, испуганно смотрит на будильник и тут же облегченно откидывается на подушку – воскресенье.

Никуда она не опаздывает, никому и ничем не обязана, и до вечера еще так далеко – целая вечность...

Вновь стучат в стенку, теперь, кажется, табуреткой. Надо ответить, иначе Светка может развалить дом.

Нелли поднимает с пола тапок и стучит по стене. Светка успокоилась. Однако не проходит и десяти минут, как она уже стучит в дверь.

– Сейчас! – кричит Нелли, торопливо втискивая себя в узенький халат, и бежит через комнату отпираться.

– Ты это чего? – грозно возникла на пороге плотно сбитая, круглолицая Светлана, с которой делят они, как молодые специалисты, двухкомнатный леспромхозовский домик.

– Воскресенье же, Свет, – удивленно отступает от подруги Нелли.

– Воскресенье, – брюзжит Светка. – А кто сегодня завтрак готовит?

– Ой! – схватилась узкими ладонями за щеки Нелли. – Я и забыла совсем...

– Есть ты, однако, не забываешь, – ворчит Светка. – Ладно, давай помогу.

Пока Нелли растапливает печурку загодя приготовленными сухими дровами, зябко кутая плечи в шерстяной полушалок, Светлана заводит тесто на блины.

– Ну и как, подружила вчера? – спрашивает Светка, снимая со сковороды первый блин, который, конечно же, комом.

– Да ну, – отмахивается Нелли, – просто постояли у калитки...

– Женишок-то у тебя... Начальство на него не нарадуется – лучший шофер лесопункта. Знаешь, сколько он денег получает?

– Фи-и, – морщится Нелли, заваривая кофе, – мне это без разницы.

– Без разницы, когда без задницы, – бесстрастно роняет Светка, а блины, аппетитные, поджаристые, с дырочками и кружевами по краям, так и слетают у нее со сковороды. – Это ведь ты мне дорожку перебежала, – неожиданно говорит Светка. – До тебя-то он раза три меня из клуба провожал, а как ты появилась, так сразу и бросил...

– Да ты что?! – опешила Нелли. – И молчишь?

– А что трезвонить-то понапрасну? Сердцу, известно, не прикажешь... Мне с тобой, красоткой, не тягаться. Ты вон какая: волос смоляной, а глаза синюшие, в талии – что стрекоза, а бюст как у хорошей бабы... Одним словом, земляничка... Фамилия-то у тебя не зря такая сладкая.

– Ой, Светка, наговоришь ты всегда. – Нелли смущенно запахивает халатик, хотя румянец удовольствия щедро выкрасил ее щеки. – Что раньше-то молчала? Я бы его живо отшила. Да и сейчас еще не поздно...

– Кончай трепаться, – перебивает Света, – наливай лучше кофе, есть будем.

– Нет, правда, Свет, а как же ты? – вдруг шепотом спрашивает Нелли. – Ведь он тебе нравится?

– Нравится – разонравится, подумаешь, беда какая! – Светка погружает первый блин в сметану и, подставив круглую, пухленькую ладонь, быстро несет его ко рту.

– И ты ни капельки не ревнуешь?

– Кончай базар! – нахмурилась Света. – Блины стыннут... Что толку ревновать? Сразу не удержала, а теперь – ревнуй не ревнуй...

– Все! – широко распахивает глаза Нелли. – Сегодня же дам ему от ворот поворот. Ишь, раскатал губищи на молодых специалистов: подай ему эту, подай ему ту... Умненький какой нашелся. Видали мы таких...

– Ну, ты, самовар тульский, охолопись маленько, – усмехается Светка. – Развевалась тут передо мной, а как его увидишь, так и кисеньки-брысеньки запоешь.

– Не запою! Было бы перед кем петь, а то подумаешь – первый парень на деревне, вся рубаха в петухах, а в деревне один дом, а в доме – один лишь он, – Нелли засмеялась, откинув голову далеко назад, и волосы черными крыльями упали на ее плечи.

– Подожди, девонька, – насторожилась Светка, – он что же, тебе совсем не нравится?

Нелли успокоилась, поправила волосы, отхлебнула кофе и серьезно ответила:

– Как тебе сказать... Нравится, конечно, но не так, чтобы уж очень... Я, знаешь, блондинов люблю, – невольно вздохнула Нелли, – высоких, стройных, спортивных... А он, Володька, какой-то слишком обычный: русые волосы, серые глаза, средний рост... Понимаешь? Он весь какой-то средний...

– Так это тебе принца надо, – презрительно скривилась Светка, – датского или австрийского... Ты мне вот что скажи: влюблялась уже, да?

– Да, – одними губами шепнула Нелли и грустно прикрыла глаза.

– И он блондин? Высокий? Спортивный? – допрашивала Светка.

– Да...

– Ну так теперь все понятно.

– Что тебе понятно? – насторожилась Нелли.

– А то, что ты всю жизнь на блондинов заглядываться будешь, все того, первого, в них искать... А он, наверное, красавец-то, бросил тебя?

– Нет! – вспыхнула Нелли. – Не бросил... Мы потерялись...

– Потерялись? Как это?

– А вот так: за ним неожиданно пришел вертолет и он ничего не смог сделать... И адресами мы не успели обменяться. Понимаешь, я бегу с рыбной базы, а вертолет поднимается у меня на глазах и увозит его...

В это время на крыльце забухали шаги, дверь резко распахнулась, и на пороге возник начальник лесопункта, Павел Иванович Медведков.

– Сидите, кофий распиваете? – ухмыльнулся Павел Иванович, вприщур разглядывая зелеными глазами притихших девчонок. – А на деляне Васке Соломатину трелевщиком ногу придавило. Только что по рации сообщили.

– Ой! – Нелли испуганно прижала ладони к щекам.

– Это далеко? – деловито осведомилась Светлана.

– Тридцать верст с гаком будет.

– Машина есть?

– Машина вон, – небрежно кивнул Павел Иванович, – у твоего окна стоит.

– Хорошо. Подождите меня пять минут.

Светлана уходит: уже собранная, серьезная, готовая к любым неожиданностям.

Павел Иванович присаживается к столу, берет блин и одним махом проглатывает его.

– Ух, вкуснота! – облизывается он и берет еще один. – С пяти утра на ногах. Кочегары, в душу их мать, перепились, чуть было твою школу не разморозили... Повыпускали «химиков» из лагерей, теперь что делать с ними – никто не знает... Ну, как ты, обжилась немного? – оглядывает комнату Медведков.

– Обжилась, – вздыхает Нелли, – спасибо. Вот только дров у нас маловато.

– Дрова завезем – не проблема, – категорично отрезает Павел Иванович. – Главное, ты нам предстоящее поколение дай таким, чтобы мы все к чертовой матери вверх тормашками перевернули. Нам, понимаешь, с этим поколением в коммунизм идти, мировые пространства покорять, так что ты, голубушка, не подкачай, а?

Рысьи глаза у Медведкова азартно блестят, вся фигура его, поджарая, хищная, в таком напряжении, словно он сейчас же готов начать все крушить и переворачивать вверх тормашками.

– Не подкачаю, – улыбается Нелли.

– А на эту старую каргу, Алевтину Степановну, не обращай внимания. Она всегда была такой и ее уже не переделать. Это поколение, увы, из вчерашнего дня, свое отжившее, – твердо пристукнул кулаком по столу Медведков. – Пока еще надо их терпеть, но не обязательно слушать... Нам для будущего технари нужны, а не хлюпики там разные с Дубровским в голове... Задача ясна?

– Да, Павел Иванович... Вам бы самому в школу преподавать идти – вы так хорошо умеете говорить.

– Говорить мы все горазды, а надо дело делать! – Павел Иванович поднялся. – Спасибо за блины. Ничего не скажешь – мастерица.

– Да это Светка пекла, а я только помогала.

– Светка, – усмехнулся Медведков. – Светка-конфетка... А знаешь, как тебя в Покровке зовут? Ягодка... Цени, Земляника-Ягода... Небось, уже присмотрела кого из наших?

– Ну что вы!

– Зря! Добрых парней у нас хватает. Ну, бывай...

Медведков натянул шапку-ушанку, крепко двинул двери плечом и вышагнул за порог, оставив вместо себя облако белого пара.

– Не боишься? – Медведков покосился на Светлану.

– Чего мне бояться?

– А вдруг у него там с ногой слишком серьезно?

– Посмотрим – увидим, – спокойно ответила Светлана.

– Нервы у тебя, Светлана Григорьевна, позавидуешь...

– Не жалуюсь.

– Не скучаешь у нас?

– С чего бы это?

– Да вон Ягодка твоя, похоже, истомилась здесь без городской жизни-то.

– Она городская, а я в таком же зачуханном поселке родилась...

Газик подбросило на ухабе, и он, не вписавшись в крутой поворот, по самый радиатор зарылся в сугроб. Пока Медведков включал пониженную передачу, по привычке поминая душу и мать, пока выпячивался обратно на дорогу, Светлана равнодушно разглядывала в лобовое стекло чахлые пихточки и ели, какой-то мелкий кустарник и редкие проплешины кочарника, тянувшиеся почти до самого изножия сопки.

– Хороших дорог нам не хватает, Светлана Григорьевна, задыхаемся мы без них. Технику гробим, сами гробимся, – Павел Иванович яростно крутил баранку. – Мне двадцать восемь лет, а я уже седой, и все из-за них, дорог наших распроклятых...

«Как, ему только двадцать восемь?! – покосилась на Медведкова удивленная Светлана. – Никогда бы не подумала...»

– Что смотришь? Тебе, может быть, паспорт показать? – весело засмеялся Павел Иванович. – С сорок седьмого года я, вот и считай... Закончил институт в Хабаровске и уже пять лет здесь белкой в колесе кручусь... Держи-ись!

Машина неожиданно резко ухнула в очередную колдобину, козлом выпрыгнула из нее и понеслась дальше по разбитой леспромхозовской трассе.

Вечером Володя Басов пришел с товарищем, еще армейским – довольно симпатичным парнем в коричневой дубленке и черных унтах. Нелли встретила ребят за порогом. Стояла в своей шубке, что-то чертила носком валенка по замороженной половине крыльца и безразлично слушала не очень-то затейливый треп Басова. Наконец ей это надоело:

– Чего вы, собственно, хотите? – напрямую спросила она.

– Пригласи Светлану, посидим вчетвером. Мы кое-что принесли, – Володя выразительно хлопнул себя по карману.

– Если вам нужна Светлана, пожалуйста, соседняя дверь...

Басов растерялся и выразительно глянул на товарища.

– Вы нам обе нужны, – с готовностью выступил тот вперед, и по тому, как выступил – смело, независимо, – Нелли поняла, что не произвела на него впечатления. Это ее задело.

«А что, попробовать отплатить Басову тем же, – озорно подумала она, – задружить с его армейским товарищем, пусть знает. И запросто! Что тот, что другой – мне лично без разницы. Зато будет интересно...»

– Ну, тогда другое дело, – кокетливо улыбнулась Нелли, – вдвоем я согласна... А вас, товарищ, вообще-то как зовут? Не Вася?

– Вася? – не улыбнулся армейский товарищ. – Почему именно Вася? Нет, меня не Вася зовут...

– А я вот как подумаю о ком с первого раза, так потом всю жизнь его и зову, – безвинно улыбнулась Нелли.

– Зовут меня, между прочим, Герман... Можно просто Гера, – нахмурился несостоявшийся Вася и теперь уже сам посмотрел на друга: мол, выручил я тебя, давай, дальше сам командуй.

– Но я заранее прошу прощения, Герман, если вдруг вас Васей назову. Хорошо? Я же нечаянно, я не нарочно... Ладно, заходите ко мне, я Светку позову. Можете пока пластинки покрутить. Там новенькие мне прислали, закачаешься – Ободзинский, Ротару, Лещенко. В общем – разберетесь.

– Басов тебе жениха привел, – рассмеялась Нелли, входя к Светлане. – Такой пупочка и Германом зовут.

– Подъ он! – Светка лежала в постели. – Я за шестьдесят километров так утряслась с Медведковым, что у меня костей не осталось, один гуляш только...

– Как хочешь... Жаль только – жених пропадет, да и пельмени я лепила, лепила, а выходит – зря.

– Пельмени? – ожила Светка. – Как это, девонька, зря! Я весь день на голодном пайке, а ты пельмени хочешь замылить? – Светка села и спустила полные стройные ноги на пол. – Чего они хотят-то, Володька с дружкой?

– Посидеть, пластинки послушать, ну и... это самое...

– Что – «это самое»? – Светка, мельком глянув в зеркало, надела на себя кримпленовую юбку и свитер.

– Сватать тебя за Германа будут.

– Угу, юмор твой оценила. Что дальше?

– Да я откуда знаю, – рассердилась Нелли. – Пришли. В гости напросились. Тебя зовут... Дальше у них спросишь.

– Если бы не пельмени – ни в жизнь не пошла, – вздохнула Светлана. – Сидеть, смотреть, как они будут на тебя пялиться – удовольствие маленькое...

– Кстати, этот Герман меня в упор не видит, – с невольной обидой ответила Нелли.

– Слава богу, хоть один нормальный мужик нашелся, – Светка тряхнула короткой стрижкой, плеснула на себя одеколоном «Красная Москва» и решительно объявила: – Я готова...

И опять высоко в небе стояли звезды, как вечные стражи космического кремля... И опять эта огромная луна, белая не белая, желтая не желтая, какого-то своего собственного, лунного цвета – низкая, тревожная, манящая. Куда манящая? Зачем? Что человеку в ней? Холодной. Пустынной. Ан, нет – сосет, вытягивает взгляд, томит душу, тревожит сердце безмолвным

напоминанием о чем-то давнем и невозможном. Может быть, обидно ей, что все добрые слова в адрес Матушки Земли говорятся, а ей, соучастнице и наипервейшей помощнице в земных делах – лишь вздохи и ахи достаются? А, может быть, когда-то была у нее и своя собственная, отдельная жизнь, где-нибудь за пределами Млечного Пути, прежде чем стала она по воле космических сил ночным фонарем Земли? А может... Все может быть... А сам Человек, венец природы – гомо сапиенс – додумавшийся до этих вопросов, сам он откуда пришел? Зачем живет? И куда уходит?..

Вспыхнул и погас метеорит. Секунды звенели в морозном воздухе, звенели и иссякали...

Около полуночи Нелли и Володька Басов прощались у калитки. Светка, сославшись на усталость, ушла домой, и армейский друг Герман неприкаянно маячил невдалеке.

- Ну, пока? – Нелли потеряла варежкой щеки.
- Постоим еще немного, – попросил Володька.
- Друга заморозишь, потом отвечать придется.
- Не-ел, я что хотел сказать...

Не от слов, нет, от интонации Нелли обмерла, с ужасом ожидая, что он скажет дальше. Неужели... Неужели те самые слова, которые говорят... Которых боится и о которых мечтает каждая девчонка лет этак с пятнадцати... Неужели они? Сейчас? Фи-и, разве сейчас и этим человеком они должны произноситься? Разве так ей мечталось? Где же, где он, настоящий, почему медлит? Сейчас эти слова скажет другой и – все! Все! Все! Все! Потом уже будет поздно и не так... Ах, какая обида! Какая несправедливость! И именно к ней, Нелли Земляникиной. Да что же она плохого сделала? За что ее обходят? Какой ужас...

– Ты только ничего такого не думай... В общем, мои родители хотели познакомиться с тобой. Познакомиться, поговорить...

Разочарование и облегчение одновременно почувствовала Нелли. Значит, еще не сейчас, еще есть возможность, есть время для того, настоящего. И одновременно с этим – что же он тянет? Мог бы и сразу сказать, а потом уже с родителями знакомить...

- А я уже засыпала, – ворчит Светка, отпирая дверь. – Чего тебя носит?
- Ой, Све-етка-а-а...
- Предложение сделал? – сна у Светки как не бывало.
- Почти... Родители, говорит, хотят со мной познакомиться.
- Ну, это, считай, все! Поздравляю... Шустро, однако, ты его обтяпала...
- Свет, не тяпала я его, даже и не думала...
- Какая разница, главное – кисеньки-брысеньки и свадьба не за горами.
- Ты думаешь – надо выходить? – Нелли испуганно смотрит на Светлану.
- А чего еще ждать-то? Лучшего не дождешься. Парень он работающий, не пьющий, самостоятельный... К тому же – ударник, значит, быстро квартиру получите. Сотни три, не меньше, он на своем лесовозе зарабатывает. Чего тебе еще?

– Не знаю, – Нелли прижалась лбом к холодному стеклу. – Ты, Светка, как старая бабка рассуждаешь... Не пьет, не курит, самостоятельный, триста рублей получает... И это все?

– А чего тебе еще? Любви? – Светка пожалала плечами. – Он тебя, по всему видно, любит. А вот ты... Тут ты сама решай. Может, будешь ждать своего блондина – жди... Только, как бы не прождаться тебе. Такие, как Басов, на дороге не валяются, это я тебе точно говорю. Да и пара вы подходящая. Тебе – двадцать, ему – двадцать три: самое время. Опять же, фамилию свою ягодную сменишь, а то больно она у тебя легкомысленная – Земляникина... Для учительницы больше Басова подойдет. Представляешь – Басова Нелли Семеновна. Звучит-то как!

Звучит-то она звучит, – тихо откликнулась Нелли и неопределенно улыбнулась...

Ночь была. Тихо было. Луна в небесах катилась. И ярко, ярче всех остальных, светила в стороне от созвездия Кассиопея загадочная звезда...

II

Трудно судить прошлое. Еще труднее определить через многие годы, что было на самом деле, а что – лишь сон, домысел, игра воображения. Все переплетается – вымысел и сон, желаемое с явным, сущее с загадочным, и в результате из всего этого рождается твоя прошлая жизнь. Кому-то она нравится больше, кому-то – меньше, кто-то хотел бы забыть о прошлом, а кто-то – только им и живет... Как бы то ни было, а от прошлого не уйти. В этом, быть может, одна из главных хитростей Творца – сцементировать времена памятью, выстроив их в протяженности, ибо не дорожи мы прошлым, нам и будущее покажется «до лампочки». А «до лампочки» – значит никак... Никак, ничто – пусто! Природа же пустоты не терпит. Вот поэтому и обречены мы на пожизненные муки, горькие или радостные, еще и еще раз проживать в таком далеком и таком близком порой минувшем...

Нелли с Ритой попали на мойку и радовались этому: рыба по лоткам скатывалась к ним уже снулая, безжизненно равнодушная. Правда, еще поблескивала ее серебристая чешуя, еще темнели и не пропускали внутрь себя тепло солнечного света глаза, еще тяжело адела кровь на вспоротых брюшках, вздрагивали и, как от боли, судорожно подергивались плавники, но настоящей жизни в рыбах уже не было. Резиновым шлангом с металлическим наконечником, в который под напором подавалась вода, они смывали кровь со слизи, и рыба уплывала по лотку дальше – в посолочный цех. В резиновых сапогах и фартуках, в тонких резиновых же перчатках, они иногда простаивали в своих ячейках по двенадцать-четырнадцать часов – шла рыба. В такие дни мокрые фартуки к концу смены казались невыносимо тяжелыми – от них болели плечи, шея и колени. Резиновый шланг вдруг превращался в коварную и сильную змею – он то и дело вырывался из рук, бил холодной и упругой струей в лицо, мотался и приплясывал на дощатом настиле. Лоток, по которому в мутной слизи все плыли и плыли не ушедшие от своей печальной судьбы рыбины, к концу такой смены казался глубоким ущельем, рыбины – огромными айсбергами. Иногда случалось, что по лотку проплывали живые кетины, устало хлопающие жаберными крышками. Нелли выходила из скользкой ячейки и несла выбранную удачей рыбину к воде и отпускала в мелкую речную волну, и смотрела, как тяжело и вяло начинали шевелиться плавники, как раскачивалась рыбина в воде, не вдруг оживая и уходя на глубину. Нелли пыталась представить ее жизнь и потом, на глубине: время от времени кетина будет вздрагивать всем своим прекрасным телом, вспоминая прикосновения человеческих рук, затем медленно и неуклонно начнет двигаться вверх по течению, к заветному плесу, где несколько лет назад она вылупилась из икринки...

Но большая рыба случалась не всегда. Иногда по два-три дня, а то и больше, они оставались без работы.

А какие здесь были вечера! Под просторным, необъятным небом, над кромкой далеких гор вдруг начинало сгорать солнце. Багровел горизонт, в той стороне мгновенно вспыхивали и жарко пылали лес, облака, инверсионный след самолета и даже сама земля. И потом долго-долго там все умирало, медленно и неизбежно пожираемое Ночью... И даже Река в это время до краев переполнялась багрово-лиловыми отблесками, и тяжелая, осенняя уже, звенящая, уходила за ближайший высокий мыс, на котором белел такой свеженький, нарядный и таинственный маяк...

Маяк строили солдаты-стройбатовцы. Вернее, они его уже почти достроили, остались только отделочные работы внутри и планировка – снаружи. Солдаты жили на окраине поселка, в бараках, где раньше жили вербованные, приезжавшие на путину: были времена, когда сво-

ими силами с рыбой на Амуре не успевали справляться. Солдат было двенадцать человек, тринадцатый – лейтенант. Еще когда они только плыли сюда на теплоходе, про этих самых солдат много чего рассказывали. Лидия Захаровна, их будущий преподаватель, а пока – нянька-мамка-воспитатель в одном лице, предупредила: «Упаси вас бог, девоньки, связаться с солдатами... Сущие бандиты это, а не солдаты, пьют одеколон и никого не признают, даже свое начальство». И Нелли, когда впервые увидела маяк с палубы теплохода, невольно прониклась к нему настороженностью, но и любопытством тоже: ах, как интересно, почти как в книжках. А чуть позже: «Сущие бандиты – интересно, какие они?»

Первая встреча с ними произошла случайно. Они с Ритой пошли на марь за брусничкой. Долго и лениво бродили по бесконечной и кочковатой мари, спотыкаясь и с усилием выдирая ноги из топкой моховой подстилки. Набрали по бидону крупной, рясной ягоды, и не чаяли, как через эту марь назад до своего общежития добраться, казавшегося сейчас таким родным и уютным. Пошли, спрямляя путь, к далеко впереди блестящей реке. Кое-где еще попадались продолговатые, иссиня-фиолетовые ягоды голубики и они щедро угощались ею, смакуя нежнейший, тонкий аромат, а когда случайно глянули друг на друга – закатились в безудержном смехе: пальцы, губы, даже щеки были щедро выкрашены в синий цвет.

– Ой, Ритка, не могу! – приседала от смеха Нелли.

– А ты! А ты! – схватилась за тощие бока длинными руками подруга.

Сорока села недалеко на голую вершинку низкорослой лиственницы, посмотрела на них в недоумении, ударила клювом по ветке и лихо раскатилась в птичьем смехе на всю округу. Тут же выскочил из-под земли рядом с замшелым пнем перепуганный бурундук, встал столбиком, прижал передние лапки к подрагивающему животу, и ну вращать глазищами: что тут, мол, случилось, какая еще беда к нам пожаловала? Но разглядев неподалеку смеющихся девчонок, тут же успокоился, презрительно цвыркнул сквозь редкие зубы и вновь под пенек – прятать на долгую зиму орешки в укромных местах...

К реке они вышли пониже маяка, далеко от поселка, и без сил повалились на песок.

– Я говорила – правее надо идти, – ворчала Рита.

– Ну и шла бы, кто не давал? – лениво огрызалась Нелли.

– Тебя все куда-то тянет... А теперь вот надо будет идти мимо маяка.

– Ну и что?

– А вдруг там... Вдруг мы встретим этих?

– Ты думаешь?! – испуганно обрадовалась Нелли и села на песке, широко раздвинув круглые в коленях ноги.

Был чудный день, каких в Приамурье осенью не перечесть. Светило все еще яркое солнце, высоко и непроницаемо стояло небо с тонким серпиком мутного месяца низко над горизонтом, плыли прозрачные паутинки по прозрачному воздуху, одиноко и стайками перелетали с озера на озеро дикие утки, и на очень большой высоте медлительно проплывали крошечные серебристые самолетчики.

Они умылись, привели себя в порядок и босиком по прибрежному желтому песку осторожно двинулись в сторону маяка, за которым, далеко еще, проглядывали окраинные дома поселка. И как страшно было встретить и как хотелось все-таки встретить этих стройбатовцев, пьющих почему-то одеколон и никого-никого не признающих.

– Ой, Нелка, – прошептала Рита, когда они поравнялись с белой пирамидой маяка, внутрь которого вела загадочная, темная дверь.

– Что?

– Страшно-то как...

– Да никого же нет.

– А вдруг они...

– Что-о?

– ...

– Давай посмотрим, что у них там, внутри этого ихнего маяка? – бесшабашно предложила Нелли.

– Нелка!.. Ты с ума сошла! – перешла на свистящий шепот Рита. – Зачем нам это надо?

– А что! – расхрабрилась от испуга подруги Нелли. – Запросто...

И она пошла к той двери, умирая от страха и любопытства, упрямо сводя густящие черные брови.

– Не-елка! – еще раз попыталась остановить ее подруга.

Даже на вид дверь была тяжелая, массивная, с высоко прибитой и тоже массивной железной ручкой. И от маяка, и от двери пахло устоявшейся сыростью свежей штукатурки.

Она толкнула дверь, и дверь даже не дрогнула. Нелли уперлась в нее двумя руками, потом плечом, и дверь неохотно отступила, обнажив за собою сырой полусумрак и узкую, недавно окрашенную в коричневый цвет лестницу, спирально уходившую круто вверх. Нелли перешагнула порог, вся настороженно-звонящая от напряжения, и вытянула тонкую белую шею, разглядывая неровности внутренней стены, какие-то доски, ящики и мешки с цементом.

– Нелка! – вдруг громко и отчаянно вскрикнула за спиной Рита.

Сердце оборвалось у Нелли, она сжалась, медленно, готовая ко всему, повернула голову и увидела, как из-за маяка выходят два ужасных стройбатовца и направляются к ней...

После кино Володя провожал Нелли домой. Была светлая, лунная ночь. На крепком морозе немели щеки, и Нелли растирала их пуховыми варежками. Вздыхала, вспоминая южные темные вечера, море и совершенно незнакомую, малопонятную жизнь, показанную в кино. Все там было так красиво, возвышенно и необычно. Временами Земляникиной даже думалось, что снимали все это в какой-то другой стране, где живут другие, не похожие на них люди.

– Вовка, – толкнула она притихшего Басова в плечо, – ты меня на море когда-нибудь свозишь?

– На море? – удивился Володя. – Зачем?

– Посмотреть... Там так красиво все!

– У нас красивее, – уверенно заявил Басов.

– Сравни-ил, – разочарованно протянула Нелли.

– Да у нас знаешь какие места есть! – разгорячился Володя. – Если тебе, ёшкин, показать, то и моря никакого не захочешь. Вот, например, вверх по Анюю, за Дубовым Мысом, есть такой ключик...

Но Нелли уже не слышала его. Она вдруг представила себя героиней кинофильма, мысленно примеривая все те наряды, что были на героине, всякий раз буквально преображавшие ее. В зависимости от одежды героиня становилась то легкомысленной, несмышленной девчонкой, то вдруг серьезной, самостоятельной девушкой, а под конец – холодной и независимой женщиной, у ног которой умирали от страсти поклонники... Нелли примерила на себя все эти наряды и неожиданно обнаружила, что они как нельзя лучше подходят и ей. В них она тоже неузнаваемо преображалась, и поклонники...

– Слышь, Нел, – робко обнял ее за плечи единственный поклонник, – айда за речку?

– Ну, вот еще! – поморщилась Нелли. – Замерзнуть там совсем... И надо говорить «пойдем», а не «айда»... Айда лучше скорее домой.

– А я тебя согрею. – Вовка неуклюже обнял ее, притиснул к себе и горячо задыхал в шею. – Теплее?

– Раздавишь, – ойкнула Нелли. – Так я море и в самом деле не увижу.

– И не надо.

– Я, наверное, лучше знаю, что мне надо. – Нелли потерлась щекой о мягкий воротник Вовкиной дубленки.

– Нел, давай поженимся? – вдруг сказал Басов и перестал дышать.

Нелли догадывалась, что после знакомства с родителями Басова это предложение рано или поздно прозвучит, но чтобы так вот, на улице, между прочим...

– Долго думал? – неприязненно спросила она.

– А что, – заторопился Басов, – ты мне нравишься, родители тоже не против... В общем, Нел, чего тянуть-то? Давай завтра подадим заявление в сельсовет и распишемся.

– Ишь ты, быстрый какой, – освобождаясь от объятий, растерянно ответила Земляникина. – Я тебе еще ничего не ответила... Я еще и сама не знаю, Басов, хочу я замуж или нет... Пошли скорее, а то я до свадьбы не доживу. – Нелли рассмеялась. – Придется тебе жениться на сосульке.

У своей калитки Нелли слегка поколебалась, но затем решительно пригласила Володю:

– Так уж и быть, заходи в дом, чаем напою... Как-никак, все-таки в одной деревне живем.

И вот тут Вовка одним движением подхватил ее на руки, уткнулся в щеку холодными губами, обиженно сказал:

– Язва же ты, Нел...

– А ты как думал, – засмеялась она.

Горел торшер. От него по всей комнате лежали тревожные красные блики. Сидя на диване, долго пили чай. Вначале говорили о всяких пустяках, потом разговор иссяк. Пауза была длинной и тяжелой, как Вовкино плечо, к которому небрежно и как бы случайно привалилась Нелли. По радио передавали последние известия, и они их прослушали почти все, прежде чем Вовка осмелился взглянуть на Нелли. Земляникина сидела с плотно зажмуренными глазами. Волосы разметались по ее плечам, губы были полуоткрыты, он даже разглядел бледно-молочный блеск ее зубов. Володя Басов и сам зажмурился от вдруг подступившей к нему догадки, тяжело задышал и легонько потянул Нелли к себе, и уже не удивился, когда она тихо и неловко завалилась на спину. Склоняясь над Земляникиной, он еще опасался ее внезапного гнева, обиды, но тут услышал, как ее неожиданно сильная рука обвила его шею и настойчиво потянула к себе.

– Нел, Неллочка, – глухо, остервенело забормотал Вовка, зарываясь лицом в ее душистые волосы. – Любимая, хорошая...

Квартиру Басовы получили через год. Ключи от квартиры торжественно вручали на общем профсоюзном собрании лесопункта, и Медведков, прежде чем отдать их в руки Володи Басова, сказал с трибуны:

– Мне видится, товарищи лесорубы, что молодая семья Басовых – это не просто семья, каких много у нас в стране, а это именно та социальная ячейка в нашей общей структуре, через которую мы и построим наше с вами светлое будущее. А мы для таких передовых семей ничего не пожалеем: нужна квартира – получайте, дорогие молодожены, квартиру. Нужна путевка на лучший курорт Крыма? Пожалуйста. Настоящий труженик у нас всегда в чести! И мне сегодня особенно приятно, что наша молодая семья, состоящая из представителей интеллигенции и трудящихся масс, объединяется, так сказать, под одной крышей. Я думаю, что квартира, которую мы сегодня отдаем Басовым, будет гостеприимным, надежным и прочным домом молодой семье...

Вот так сказал Павел Иванович Медведков, и ему долго и громко хлопали лесорубы, вполне и искренне согласные с каждым его словом.

– Братцы, товарищи дорогие, – разволновался Володя Басов, приняв от Медведкова ключи. – Спасибо... Спасибо за все. Мы, как говорится, не подведем...

Новоселье праздновали шумно, весело с размахом. Оно у Басовых как бы разделилось на две части: вначале для всех, кто пришел по приглашению, а потом уже для избранных, самых-самых близких людей. Среди таковых оказались Светлана, армейский друг Герман, Медведков и Алевтина Степановна... Впрочем, последняя к «самым-самым» никак не могла относиться, а осталась лишь потому, что хотела в узком кругу сказать и свое напутственное слово молодым. Когда о причине ее задержки за столом догадались, слово поспешили дать...

– Я, знаете ли, красиво говорить не умею, – начала эта маленькая, седенькая старушка. – Тем более, у вас сегодня такой праздник, а я хотела сказать... Мне давно на пенсию положено, а школу передать некому. Конечно, люди есть, не в пустыне живем, а вот воспитателя коллектива не вижу. К чему я все это? Сегодня много хороших слов вам говорили, и я к ним присоединяюсь, но, Нелли Семеновна, дорогая, отчего же вы работой своей не болеете? Я боюсь, я очень боюсь, – старушка обвела всех печальным взглядом, – что теперь вы купите корову, заведете свиней и бычка, кур с утками расплодите и... И, милая вы моя, какая уж тут школа. А я вот о своем первом учителе думала, что он и вообще на земле не живет, ничем не питается, а только читает умные книги и нам о них рассказывает. Наивно, конечно, но так было...

Молодые переглянулись. Медведков открыл было рот, но Алевтина Степановна решительным движением руки остановила его.

– Да нет, Нелли Семеновна, я вас не призываю отречься от земной суеты в пользу ваших учеников, нет, конечно же... Но дети, особенно – первоклашки, они большого внимания требуют, вы для них – все! Понимаете? Они потом всех своих учителей с вами сравнивать будут...

– А ведь точно, – вдруг поддержал Герман, – я на своего первого учителя до сих пор оглядываюсь: а как бы он сказал?

– Алевтина Степановна, – поморщился Медведков, – мы что, на педсовете?

Старушка смутилась, хотела сесть, но пересилила это свое смущение и опять заговорила:

– Мне ведь в такой домашней обстановке поговорить с Нелли Семеновной уже не удастся, поэтому, простите, я и воспользовалась случаем.

– Да надо ли вообще об этом говорить? – Медведков в упор разглядывал старую учительницу.

– Надо, уважаемый Павел Иванович, – Алевтина Степановна тихо опустила на свое место. – К сожалению, сейчас все больше принято говорить о достижениях и победах, а вот как бы нам за громкими словами человека не проглядеть...

– А я вот с этим в корне не согласен. – Медведков взял рюмку и поднялся. – В корне! Это что же такое получается, Алевтина Степановна? Мы Басовым квартиру со всеми хозяйственными постройками, а руководитель школы призывает хозяйку святым воздухом питаться? Нет уж! Мы ходим по земле, а не витаем где-то там... И пример с Нелли Семеновны первоклашки могут смело брать. Она у нас и пропагандист, и член «Комсомольского прожектора» лесопункта, и газету выпускать помогает... Это вам, Алевтина Степановна, о чем-нибудь говорит? – Медведков остро глянул на директора школы зелеными глазами.

– Мы, к сожалению, о разных вещах говорим с вами, Павел Иванович, – тихо, но твердо ответила Алевтина Степановна.

Первый год молодые прожили в общем-то хорошо. Почти весь он ушел на какие-то приобретения, как-то по-особенному объединявшие и роднившие их. Например, решили они купить современный хороший холодильник, взамен подаренного на свадьбе родителями Володи «Саратова». Около недели только и говорили об этом холодильнике, гадали, когда они со склада поступят в магазин, и вот, наконец, поступили. Сидели на кухне и вместе отсчитывали двести семьдесят пять рублей. Потом Нелли еще раз пересчитала деньги и бережно спрятала в свою сумочку. Потом сидели на этой же кухне и любовно разглядывали новый холо-

дильник, как-то очень уж уютно и прочно занявший правый передний угол. Не считая кровати и полированной тумбочки, это была их первая серьезная покупка, и они как дети радовались ей. Однако – недолго. На следующий день прибежала свекровка, с порога шумно и не совсем внятно зачистив:

– Это вы что же такое делаете? Это вы почто деньгами-то сорите? Они у вас что, под ногами валяются, что ли?

Еще с памятного дня знакомства Нелли поняла, что открытого боя с матерью Володи не избежать, и сейчас решила, что время для боя пришло.

– Феодосия Никитична, здравствуйте, – сказала она намеренно громко и твердо.

– Дравствуй, дравствуй, невестушка, дравствуй, ненаглядная наша...

– Вы бы прошли да сели, – перебила ее льстивую невнятицу Нелли.

– А нам некогда рассиживать, некогда, некогда... Это ученые могут сидеть, а нам ить работать надо, спину гнуть, нам зарплата никака не идет. У нас и скотина, у нас и птица, а помощи ниоткуда нет, никто с нами жить не хочет – како уж тут сиденье...

Свекровка приняла вызов на бой, припомнив невестке, что она, учителька, не «схотела» после свадьбы пойти в их дом, предпочла ютиться в одной комнатенке, лишь бы басовскую скотину не обихаживать да самой в доме хозяйкой быть.

– Как хотите, Феодосия Никитична... А холодильник мы не украли, на свои собственные деньги купили. На свои, Феодосия Никитична. А раз они свои, то мы и делаем с ними все, что нам хочется... Вот, новый холодильник купили, – Нелли любовно огладила его ладонью. – Володе, как передовику производства, один из пяти выделили.

– А той, старый, вам что, не холодильник? – не сдавалась свекровь.

– Старый, Феодосия Никитична, он и есть старый. Не сегодня-завтра сломается, и останемся мы вообще без холодильника... Если хотите, забирайте его назад.

– Как это – забирайте?! – опешила свекровь, и ее рябоватое лицо покрылось красными пятнами. – Это подарок вам, а не что-нибудь. Теперь уже и от подарков родительских отказывается... Во-он оно куда дело пошло-поехало, и-и-и...

– Никто от подарков не отказывается, не выдумывайте. Просто он вам сейчас может оказаться нужнее, – холодно объяснила Нелли.

– Понятно, понятно, – свекровь поправила полушалок, – нам таперича все как есть понятно, доченька дорогая...

– Извините, – твердо и прямо в глаза свекрови посмотрела Нелли, – у меня еще тетради не проверены.

Дня через два Володя завел разговор о матери. Он только что вернулся с работы, умылся, переоделся и теперь сидел за столом, выложив перед собою крепкие красные руки: она уже успела узнать, что этими руками он на любом морозе ремонтирует свою машину, цепляет трос, отмывает с них мазут обыкновенной соляркой.

– Неля, мама приходила, да?

– Приходила, – насторожилась она.

Вовка хитрить не умел и спросил сразу, в лоб:

– Вы что, поругались с ней? – он старался не смотреть ей в глаза. Сидел в клетчатой рубашке, которую она стирала и гладила вчера, в темно-синем шерстяном трико и ширпотребовских тапочках на босу ногу. Русые тонкие волосы зачесаны на правую сторону и блестят от воды, короткая сильная шея выпирает из ворота рубашки, в покатых плечах угадывается немалая сила. Вроде бы совсем чужой и в то же время такой близкий уже человек. И если что пока и смущает в нем Нелли, так это небольшой курносый нос, словно бы приклеенный с чужого лица, да высоковатый для такого сильного мужчины голос.

– Володя, – она села напротив, взяла его за руку, – послушай меня. Послушай внимательно. Если ты будешь вмешиваться в мои отношения с твоими родителями – мы с тобой жить не будем... Мы разойдемся. Поверь мне, я твоих родителей уважаю и никогда напрасно не обижу. Но не дам в обиду и себя. Я этого и своим родичам не позволяла, и уж тем более не позволю – твоим. И еще одно, чтобы сразу, безо всяких недоразумений в дальнейшем: ты у нас хозяин семьи, ты отвечаешь за материальное обеспечение, благополучие и безопасность... Так? – она улыбнулась и пояснила: – Ну, не дашь же ты меня в обиду какому-нибудь хаму?

Володя в ответ лишь плечами повел, и сразу стало понятно – не только хаму, а и целому миру он ее обидеть не позволит.

– А я, Володя, буду хозяйкой дома. Я буду отвечать за все, что происходит в нашем доме, я буду хранительницей нашего очага и матерью твоих детей... Ты согласен?

Володя вскочил, обнял Нелли за плечи, начал целовать в шею и щеки, и она почувствовала так и не вымытый, так и не выветрившийся до конца запах соляры, перегретого машинного масла и вообще – железа.

– Только, Вовочка уговор, – Нелли осторожно высвободилась из его объятий, – в хозяйство друг друга не лезть, указаний не давать и вообще – не вмешиваться...

– Нел, откуда ты все это знаешь? – удивленно спросил Володя, глядя на нее повлажневшими глазами. – Ты словно уже замужем была.

– Нет, дорогой, ни за каким мужем, кроме тебя, я не была, – серьезно ответила Нелли. – А знаю потому, что достаточно на своих родителей посмотрелась, у которых всю жизнь пыль до потолка была только потому, что они не знали, чем должен заниматься хозяин, а чем хозяйка. И всю жизнь выясняли это...

И впервые Володька задумчиво сказал:

– Нел, ты такая умная у меня... Мне даже как-то не по себе. Я-то в своей жизни только трех умных людей знал: отца, командира части в армии и Медведкова... Ты – четвертая.

Ей это замечание польстило.

Хуже было в школе. Особенно – после комиссии из района. Проверяющий, лысоватый мужчина в очках с тонкой оправой, посидел на ее уроках, проверил ее конспекты, полистал тетради учеников и на учительском собрании заявил:

– Мы хорошо знаем общий образовательный уровень школы, в которой вот уже двадцать семь лет бессменно работает директором Алевтина Степановна Знамова... Этот уровень достаточно высок и свидетельство тому – две золотые медали выпускникам за прошлый учебный год. Кроме того, вот уже девять лет в вашей школе неизменно самый высокий процент поступающих в высшее учебное заведение. Это – прекрасно! Но, дорогие товарищи учителя, кто стоит на месте, тот вскоре отступит назад. В школу приходят молодые специалисты – наше будущее. Какие они? – инспектор района не постеснялся уставить именно на нее, Нелли Семеновну Земляникину. – Ведь от того, какие они, зависит поколение завтрашнего дня: будущие строители, авиаконструкторы, партийные работники, лесозаготовители и даже – космонавты. Да-да, не улыбайтесь, и космонавты тоже. Сегодня еще их единицы, а завтра нам потребуются десятки космонавтов – людей всесторонне и глубоко образованных, культурных... Шутка ли, если вдруг им придется столкнуться в далеком космосе с неведомой цивилизацией, а они окажутся элементарно бескультурными людьми. Видите, дорогие коллеги, как далеко может распространиться влияние обыкновенного учителя. И особенно – учителя начальных классов. Это то звено в нашем просвещении, товарищи, где формируется душа будущего гражданина СССР. Но для этого надо и нашему учителю иметь высокоорганизованную и чуткую душу. А я вот побывал на уроках Земляникиной Нелли Семеновны и, скажу вам, крепко разочарован...

В общем, наговорил этот инспектор семь верст до небес и все лесом. И как-то так получилось, что все от нее требовали: учи лучше, давай больше, еще больше, и никто не интересовался – хочет ли она этого. Слушала инспектора Нелли и раздраженно думала: «Говорить-то о

передовых методах и воспитании души ты научился, а вот взял бы и сам попробовал, пример показал. А я бы посмотрела на тебя: в классе чуть ли не сорок человек, и если они даже просто все вместе вздохнут – тетради с учительского стола полетят. А если по слову скажут? А если Коля Петушков в ударе будет?.. И вообще я на учителя училась четыре года, а не на школьного надзирателя... И вообще...»

После этого разговора Нелли окончательно решила, что школа – не ее дело.

– Ну и как твой Герман? – после новоселья спросила Нелли забежавшую к ней Светлану.

– Герман? – удивилась Светлана. – С каких это пор он мой?

– Но он же провожал тебя вчера?

– Меня проводил Медведков.

– Павел Иванович? – не поверила Нелли.

– Да, Павел Иванович! – с вызовом ответила Светлана. – Что в этом особенного?

– Ничего, разумеется, кроме того, что он женатый человек, отец двух детей и вообще...

– Ну, договаривай, – усмехнулась Светлана.

– Он же старый уже!

– Кто – Медведков?!

– Ну а кто же еще...

– Какой же он старый, если всего на пять лет твоего Володьки старше? Но это я так, к слову... Нам же с ним по пути. Дошли до дома, постояли у калитки, о тебе с Володькой поговорили да и разошлись. – Светка зевнула, а зевать ей в этот момент не хотелось – это Нелли хорошо почувствовала.

– А чего о нас говорить? – притворно удивилась она.

– Да так, какие вы ладные-складные... Ой, да кончаем этот базар! – занервничала Светлана. – Больше говорить не о чем? Как вы на новом-то месте?

– Нормально... Вот мерзнем немного.

Так выстудили хату вчера: взад-вперед сколько носились.

– Ну, а Герман что? – вновь спросила Нелли.

– Что – Герман? – явно растерялась Светлана. – Что ты ко мне с ним прицепилась, как репей к заднице?

– Просто интересно...

– Сама же говорила, что он Вася, а не Герман...

– Говорила.

– Что тогда привязалась с ним?

– Молодой. Холостяк... Опять же – в начальниках ходит. И ты – молодая. – Нелли засмеялась. – Вся из себя такая интересная. Вот бы вам...

– Конча-ай! – перебила Светлана. – Я мужиков, пришибленных из-за угла пыльным мешком, не люблю... Хочешь, сама за него выходи. Ты тоже еще не старая.

– Я уже вышла.

– Слушай, – вдруг оживилась Светлана, – ты же его не любила? Помнишь, сама мне про блондина рассказывала? Ну и как вот теперь? Полюбила, что ли?

Да, в долгу Светка оставаться не любила и ударила сейчас по самому больному. Что она может ей ответить, если и сама пока ничего не знает, чувства своего к Володе определить не умеет. Конечно, он славный, добрый, покладистый, разве можно такого не уважать? Но вот любить... Любить?.. Кто его знает. Того, блондина проклятого, она любила. Знает это точно...

– Привыкла к нему, – обмякла Нелли, и глаза у нее затуманились, – уважаю его... Уважаю, как старшего брата, – она всхлипнула, – даже сильнее, наверное, – всхлипнула еще раз и вдруг расплакалась, вжимаясь горячими щеками в ладони.

– Нелк, ты чего? – удивленная Светлана под села к ней на диван, обняла за плечи и неожиданно для себя тоже всхлинула. – А я, Нел, ой, дура я, дура, кажется, втюрилась в этого Медведкова, втюрилась – и все тут! По самые уши, Нел, как распоследняя дурочка...

– Да ты что! – испуганно выдохнула Нелли, мгновенно забывая и о своих слезах, и об их причине. – Све-етка, с ума сошла, что ли? Ведь он женаты-ый...

– Знаю, – мотала растрепанной головой Светка, – все знаю, а люблю его...

Последним рейсом на верхний склад с Володей увязался Васька Соломатин, до этого три дня гужевавший в поселке. Взъерошенный, с темными полукружьями под глазами и постоянно пересыхающими губами, от каждого толчка машины Васька страдальчески морщился и хватался за голову. Мятая-перемятая кроличья шапка то и дело падала ему на колени, обнажая лысую Васькину голову. Басов смотрел, смотрел на него и не выдержал:

– Эх, Васька, как же ты сам себя ухайдакал... Другой бы и врага пожалел, до такой страсти не стал доводить, а ты себя не жалеешь...

Васька молчал, с тоской поглядывая на пробегающие за окном ленивые таежные версты.

– Этак ты, ёшкин, опять под гусеницы трактора угодишь, – ворчал Володя. – Уж лучше сидел бы в поселке, пока не оклемаешься.

– Деньги кончились, – угрюмо ответил Васька. – Даже на похмелку не осталось, вот и маюсь... А у ваших поселковых зимою снега со двора не выпросишь – жлобы несчастные... Аванс тоже не дали, хотя у меня законных семьдесят пять рублей наработано.

Машина пошла на подъем, грузно переваливаясь из одной колеи в другую, двигатель натужно взревел, выбросив облако отработанных газов. Медленно поплыли навстречу обдерганные ветрами пихточки, цепко раскорячившиеся корнями по каменистой почве.

– Ну и правильно, что не дали, – сказал Басов. – На верхнем складе работать некому, а ты в поселке прохлаждаешься.

– Я до этого полтора месяца без выходных вкалывал – ни людей, ни зверей не видел. Хочешь, попробуй сам так повкалывать... Никто не хочет. Это одни только бичи, типа меня, могут жить в грязном вагончике, месяцами спать без простынь, три раза в день давиться перловым супом и взамен ничего не просить, а еще и кубометры выдавать... Из школьных учебников это тебе ничего не напоминает? А мне вот напоминает, и очень!

– Ишь ты, ожил, – улыбнулся Володя.

– С вами оживешь...

– Слушай, Вася, а ты о своей прошлой жизни не жалеешь?

Соломатин молчал, отвернувшись к окну.

– Вот ты корреспондентом в газете работал, семья у тебя, говорят, была, а значит и дом, и друзья, и родные там разные – и вот ты, ёшкин, ни о чем этом не жалеешь?

– Кончай, шеф, душу травить, – сердито буркнул Васька, – она и так у меня вконец отравленная... Жалел бы, – после паузы добавил он, – назад вернулся, а я не хочу.

– Почему, Вась?

– По кочану... Жена у меня скурвилась, понял! А тут на работе этой самой, корреспондентской, видишь одно, а писать надо другое... Надоела мне вся эта курвёзность – дома и на работе, до жути надоела... Вот и бросил. Надька в больницу приезжала, передачи возила, вернуться просила, а я как в ее сучьи глаза гляну – с души меня воротит! Я все ее передачи соседям раздавал...

– Это от водки всё, Вася, – твердо решил Володя. – Пил бы поменьше – и все было бы у тебя как у людей.

– Я за свою жизнь людей мало встречал. – Васька взял шапку с колен и утер ею взмокший лоб. – Все больше нелюди попадались...

– А это еще кто? – удивленно повернулся к нему Басов.

– Ну, не марсиане же... Наши, доморощенные сволочи! Среди них есть суки, как моя жена, есть иудушки, как мои бывшие друзья-приятели, есть сволочи двуличные, профессора кислых щей и облепиховых наук, лизоблюды, держиморды, как мой бывший редактор и его ближайшее начальство, что в райкомах окопались, акулы, так сказать, а вокруг них еще всякая разная хищная мразь... Хватает дерьма, Володька, на белом свете. Ты-то еще, извини, мал да глуп, как ананьин пуп, а я уже сорок лет прожил – насмотрелся...

– Ну а ты-то сам кто?

– Я? – Василий Соломатин задумался, словно и в самом деле в эти минуты определял себе цену. – Я лишний человек на этом свете, Володя. Родился, а никому не надобен... Не востребован временем. Это, знаешь, как до востребования на главпочте: письмо пришло, а его никто не забирает – не нужно, значит. Может быть, я рано родился, может быть – опоздал... Лишний – понял, шеф? Но – че-ло-век! – отдельно и твердо заключил Соломатин.

Про себя Володя спросить не решился, а тут еще и дорога пошла с перевала под крутой уклон и только успевай крутить баранку, чтобы вовремя вписаться в очередной поворот. Внизу показались занесенные снегом крыши вагончиков, в стороне, на раскряжевочной площадке, работал челюстной погрузчик. Слабый синий дымок вился над трубой котлопункта.

– Считаю, Василий, приехали, – сказал Басов, у которого никак не шел из головы разговор с Соломатиным.

– Вижу, шеф, не слепой, – явно приободрился Васька. – Думал, не доберусь в этот раз... До-обрался. А тут я не пропаду, тут у меня, шеф, пара флаконов тройного припасена, в глухой заначке, понял...

– Ёшкин! Так-то жить, Васька, лучше вообще не жить. До одеколона уже докатился, куда дальше?

Василий промолчал и, лишь когда выбирался из кабины лесовоза, насмешливо ответил:

– Молод ты еще, Басов, молод... Подожди, жизнь не сегодня заканчивается, она еще и тебя обломает. Ты не думай, она не из одних вымпелов да почетных грамот состоит, у нее и обратная сторона для каждого припасена... Так-то вот, шеф... – глаза у Соломатина блестели, нос был задорно привздернут, желтые гнилые зубы щерились в усмешке. – Не спеши, Володя, судить, спеши – понять... Пока!

А через час, когда загруженный кругляком лесовоз Басова уходил с верхнего склада, Васька Соломатин, приплясывая перед котлопунктом и ухарски поглядывая на дородную повариху тетю Машу, во все горло распевал:

Птицефабрика в селе
И еще две строятся.
А в деревне видят яйца,
Когда в бане моются...

III

Лето пришло дождливое, пасмурное, разлились реки и речушки, захлопала вода под ногами даже на улицах поселка, а про сенокосные угодья, болота и мари – говорить нечего. Взойдешь на ближайшую сопку, глянешь окрест – море перед тобой. Доколь хватает взгляда – залита приамурская пойма, лишь кой-где торчат кусты шиповника и боярки, да волочит по большой воде разграбленный паводком мусор. Посверкивают, переливаются мелкие волны в холодных лучах лунного света. Тишина и покой над этим временным морем, где должно стоять в это время многочисленным стожкам душмяного июньского сена...

Угомонились птицы, занятые недавно появившимся прожорливым потомством, лишь по ночам еще звонко барабанит козодой да сизый дрозд изредка заведет утром мелодию, но тут же и снишкнет, не окончив песни. И лишь блудливо-беззаботная кукушка, падчерица лесных угодий, оглашает рёлки звонким «ку-ку!»

Долог и неусыпен июньский день. Торопливы и напористы июньские рассветы. Высоки и недоступны в редких прорехах грузных, многослойных туч звезды, улыбочиво-приветлив и лукав молодой месяц, сноровисто плывущий среди облаков, словно чёлн среди льдин в северном море.

– Ой, а мокрый-то, холодный какой, – прошептала полусонная Светлана, теснее прижимаясь к Медведкову и различая самые разные запахи, исходившие от него, – бензина, курева, сырости и пота...

– А ты думала, – усмехнулся Павел Иванович, крепко сжимая тугие и податливые плечи Светланы. – Ты как думала, мужики на жизнь зарабатывают?

Волнуясь, ощущая ее сонное тепло, тугие груди под сорочкой, плоский, мягкий живот, Медведков выискивал в темноте ее губы, припал к ним, чувствуя, что нет сейчас ничего роднее и ближе для него, чем запах ее чисто вымытых волос, вкус ее отвечающих губ, тепло ее сильного тела...

– Ой, Паша, задушишь ведь, – счастливо бормотала Светлана. – Медведь, честное комсомольское – медведь... Па-аша-а...

Он гладил ее спину, искал губами ее грудь, проваливаясь в счастливые мгновения той полной близости и растворенности друг в друге, когда уже не можешь определить, где кончаешься ты и где начинается она...

– Почему ты так долго не приходил?

– А знаешь, я голоден, как зверь! – Медведков поцеловал ее в шею, ближе к уху, где была у нее большая темная родинка, эта родинка казалась Павлу Ивановичу огромнее и таинственнее самой Вселенной. – Я утром чай из термоса попил и – все! Все, моя богатая, все, моя ласковая... Черт, как я соскучился, как я устал без тебя, Светлая...

– Где ты был?

– Ездили в тайгу намечать новые деляны. А этот хрен лысый...

– Па-аша, не ругайся, пожалуйста.

– Извини, теплая... Этот, из лесхоза, такую нам ерундовину отвел, что плана в этом месяце не взять. А не будет плана, Светлая, меня порвут в клочья и выплюнут за ненадобностью...

– Тебе яичницу с колбасой сделать?

– Сделай, Светулька, сделай, родная... Дай я тебя еще раз поцелую.

Светлана включила электрическую плитку и поставила на нее сковороду....

Уже светало. Где-то редко и неохотно густым басом влаивала собака. Светлана толкнула створки окна, и сильный запах доцветающей черемухи под окном тотчас вплыл в комнату.

Сало на сковороде зашипело-заскворчало, она аккуратно положила на нее два больших кружка колбасы и разбила три яйца. Посолив и прикрыв яичницу тарелкой, оглянулась на притихшего Медведкова. Он лежал на подушке, забросив сильные руки под голову, и сквозь серый полусумрак пристально смотрел на нее...

Светлана вздрогнула и зябко повела плечами.

– Паша, ты чего?

– Что? – не понял он.

– Смотришь на меня так...

– А я смотрю на тебя, Светлячок, и думаю, – медленно, спокойно говорил Медведков. – Думаю я, моя хорошая... Что я думаю? Что я, Светленькая, окончательно и бесповоротно люблю тебя.

Светлана вспыхнула, сердце у нее сильно заколотилось, ноги ослабли, и она присела на табуретку – в любви ей признавались впервые. И все же не удержала она в себе вопрос:

– До этого сомневался, да?

– До этого сомневался, – твёрдо ответил Медведков. – А ты как думала? Сомневался, и еще как! Да и как не сомневаться, когда у тебя за спиной такие тылы – жена и двое ребятишек... Слышишь меня?

– Да, Паша...

– Я ведь всегда думал, что свою Варюху люблю, уверен был в этом. Но теперь понял, что не тот смысл в это слово вкладывал. Не тот, Светленькая, совсем не тот! – Медведков резко сел и яростно взмахнул кулаком. – Эх, кабы раньше мне это понять! А теперь хоть порвись на части: дома я – с тобою, у тебя – я дома... Такая вот арифметика, такой дисбаланс...

– Я тебя, Паша, не держу и никогда держать не буду, – тускло сказала Светлана, разглядывая свои руки на коленях.

– Брось! – Медведков вскочил, в два прыжка оказался над нею, подхватил на руки, мелко и часто расцеловал в обнажившуюся грудь. – Брось, Светка! Я сам возле тебя держусь и буду держаться, как возле морского буя. Поняла?! Теперь мне без тебя – крышка... Где там моя яичница, а то ведь помру с голода... Кстати, ты знаешь, Светленькая, чем отличается яичница от глазуньи? Нет? Ну и слава богу...

Он ел, жадно подхватывая куски вилок, она смотрела на него и о чем-то думала. Потом тихо и счастливо сказала:

– Боже, два года я тебя знаю, и все время ты такой голодный.

– Как, уже два года?! – удивленно поднял он голову.

Юрий Матвеевич Трутнев, закончив Хабаровский политехнический институт и распределившись в Прибрежный район по специальности инженер лесхоза, на должности своей и года не проработал. Его заметили на одной из комсомольских конференций и вскоре пригласили на работу в аппарат. С ответом на предложение он медлить не стал, поскольку после этого шага хорошо представлял всю свою дальнейшую жизнь: Трутнев вышел из семьи мелкого партийного деятеля... Три года пролетели незаметно. Юра поднаторел в комсомольских делах, его заметили в крае, но по служебной лестнице он так и не пошел, потому что в первый же год едва не сгорел без дыма за связь с замужней женщиной. Теперь вроде бы все уже забылось, он раскаялся и тысячу раз искупил вину рвением и послушанием, но, но, но... Здесь не любили тех, кто на чем-нибудь подпаливал крылышки. Эти крылышки ох как долго потом должны были отрастать...

В Покровку Юра собирался безо всякого удовольствия, тянул, сколько мог, пока первый, Сергей Сергеевич Бурлаев, не погнался, что называется, в шею. Дальше он нарываться не стал, хотя с Бурлаевым единственный в райкоме комсомола был на «ты» (они познакомились еще в институте), пользуясь его доверием и покровительством. Все это, конечно, так, но Юра Трутнев

хорошо усвоил и другое: гусей дразнить без надобности не стоит. Первый он и есть первый, а ты пока лишь жалкий инструктор, за три года не сумевший даже до зава дойти. И Юра поехал.

Ну что такое «Комсомольский прожектор»? Быстрая реакция на негативные явления в быту и на производстве, на все, что надо изживать, с чем надо непримиримо бороться. Примерно с этого и начал он разговор с прожектористами Покровского леспромхоза, начал неохотно, вяло, отлично понимая, что и без него они все это прекрасно знают. Что вот побеседует он с ними и завтра уедет, а они выпустят в лучшем случае два-три «прожектора», покритикуют каких-нибудь второстепенных людей, и опять все прочно заглохнет на месяцы, а то и годы....

– Можно? – дверь в Красный уголок приоткрылась, и он увидел молоденькую девушку в аккуратной шубке, валенках, с пушистой заячьей шапкой на голове. – Извините, я опоздала. Здравствуйте...

– Здравствуйте, проходите, – он отметил ее синие глаза, красивого рисунка чувственный рот и повел беседу дальше.

– Извините. – Она уже скинула шубку и подсаживалась к столу.

Вот тут-то Юра Трутнев и оценил ее до конца. Он был буквально сражен неожиданно броской, яркой красотой девушки, ее соблазнительной фигурой, ее мягким, но звучным контральто...

– Вы, извиняюсь, кто? – Юра даже и не скрывал восхищенного взгляда, и девушка смутилась.

– Земляникина Нелли Семеновна, учительница... Член «Комсомольского прожектора».

– Так, хорошо, очень хорошо... Продолжим.

И Юра продолжил говорить, но теперь его было не узнать. Он воспрял, он вдохновился, он загорелся сам и искренне желал, чтобы загорелись все. И пока он говорил, пока излагал свои соображения, давал советы, слегка укорял и слегка припугивал, он успел твердо и бесповоротно решить: председателя «прожектора» в Покровском леспромхозе надо срочно менять. Немедленно! Зачем это надо делать – Юра пока не знал, он только чувствовал, что председателем с сегодняшнего дня должна быть Нелли Семеновна Земляникина. Только она и никто другой.

– Вы знаете, какие ответственные задачи поставлены перед нами партией и правительством на очередном съезде КПСС. – Юра сурово свёл брови. – Главная наша задача – на основе всемерного использования достижений науки и техники, индустриального развития всего общественного производства, повышения его эффективности и производительности труда обеспечить дальнейший значительный рост промышленности, сельского хозяйства и благодаря этому добиться общего подъёма уровня жизни народа...

От этих значительных фраз и сам Юра стал как бы значительнее, весомей. Он уже не сидел во главе стола, а расхаживал перед прожектористами, энергично жестикулируя и выпячивая широкую грудь.

– В этих условиях ваш «прожектор», товарищи, оказался не на высоте. Более того, он явно отстает от времени. С этим мириться нельзя! Я думаю, есть прямой смысл дать возможность проявить себя новому председателю «Комсомольского прожектора». Кому конкретно? Это, товарищи, вам решать. Но нужен человек молодой, энергичный, грамотный, – Юра выразительно и надолго задержал взгляд на Земляникиной, – вполне соответствующий духу нашего передового времени...

Когда прожектористы разошлись и Юра остался для «уточнения плана работы» с новым председателем «Комсомольского прожектора», он уже хорошо знал, что Земляникина отлично понимает, зачем и почему все это было затеяно. Поэтому Юра не стал особо церемониться.

– Вот уж никак не ожидал, – улыбнулся он, – что в Покровской школе работают такие симпатичные учителя. А знал бы, Нелли Семеновна, давно приехал... Вы местная?

– Нет, – невольно опустила глаза Нелли, – приехала по распределению...

– Когда?

– Два года назад.

– Два года! – ужаснулся Юра. – Что же вы не дали мне о себе знать? Непорядок... В Покровке живут и работают такие симпатичные комсомольцы, а наш райком ничего о них не знает.

– А зачем – знать? – Нелли подняла голову и посмотрела Трутневу прямо в глаза.

Юра понял, что слегка перехватил для первого раза, что Земляникина эта не так проста и покладиста, как ему хотелось бы, и он поспешно ретировался:

– Ну, все это так, в порядке шутки... Ведь где комсомол, молодежь – там и шутка! Верно? Да вы, видимо, домой спешите? – Юра взглянул на ручные часы.

– Поздно уже, – сдержанно ответила Земляникина.

Трутнев решил на главный вопрос, который его интересовал с самого начала:

– Извините, вы замужем?

– Да. А что? – она нахмурилась – и опять этот неприятный для Трутнева взгляд прямо в глаза.

– Нет-нет, ничего... Просто я подумал, а не перенести ли наш разговор о планах на завтра? Я ведь понимаю, – Юра опять заулыбался, – суровый муж, дети, хозяйство...

– Детей пока нет, – Нелли поднялась, и кофта туго облегла ее высокие крупные груди, качнулись под плотной тканью крутые бедра – Юра поспешно отвел взгляд. – Хозяйства – тоже. А вот муж действительно заждался...

– Он где у вас работает? – Юра подал шубку, волнуясь от ее близости, от запаха простеньких духов, от невозможности тут же схватить ее, такую упругую, статную, теплую, и скушать всю, целиком, без остатка...

– В леспромхозе... Он шофер лесовоза.

«Боже! – ужаснулся Юра. – Кому досталась такая ягодка».

– До свидания, – Юра взял ее руку, легонько задержал, легонько сжал и заглянул в ее синие глаза. И в них он увидел мгновенный, едва различимый испуг, от которого сердце инструктора райкома комсомола радостно запело...

Бывали дни, когда Нелли казалось, что все славно, прекрасно и будет так всегда. Что выбор ее удачен, что она начинает любить Володю и будет его любить всю жизнь – чем дальше, тем больше. Вот только... Да, это немного мешало полному ощущению счастья буквально с первых дней, с первой же ночи. Именно – ночи, потому что ощущение было ночным, когда синие, бездонные глаза Нелли зажигались тяжелым, сумрачным огнем, который Володя Басов, ее законный муж, как ни старался, не мог погасить. Раздражения эта ночная неутоленность поначалу не оставляла, нет, а просто было чувство растерянности, какой-то неловкости, неудобства, что ли. Да побаливал потом низ живота – болезнь чисто женская, чувственная, на которую она тоже старалась не обращать внимания. Володя, к счастью, ничего не замечал, был заботлив, послушен, тактичен – он нравился ей таким. Конечно, случались и ссоры по пустякам, обиды зряшные... Нелли, например, долго не могла простить Басову, что он забыл купить ей подарок на 8-е Марта. Смешно, конечно, сцены из-за подарков устраивать, но ей-то подумалось – раз не подарил, значит, уже меньше любит. А он попросту никогда этого не делал – у них подарки не принято было дарить. Или вот чистил он зубы, выдавливая пасту из тюбика абы как. А она с детства была приучена делать это аккуратно, подворачивая опустевшую часть тюбика. Как она маялась от того, что Володя этого не замечает, не хочет замечать, пока, наконец, со слезами и упреками не выговорила ему. Володя страшно удивился, напугался, а потом они вместе посмеялись над этим недоразумением. Зато сколько счастья и удовольствия переживали они с приобретением каждой новой вещи. Казалось, что всякий раз они как бы заново начинают

совместную жизнь... Но случилось и так: привезли шифоньер – большой, громоздкий, занял он чуть ли не четверть их небольшой спальни. Стоит этакое полированное чудовище на четырех лапах, широко распахнув ненасытную пасть. А уж она вокруг него вьется: мужние сорочки вот сюда, постельное белье – на эту полочку, свое собственное – на эту, полотенца вот здесь будут лежать, салфетки... В это время Володя подкрался сзади, обнял за плечи, поцеловал в шею и по ней как электрический ток прошел. Обмерла она, затихла, в глазах – оморок, ноги едва держат. Ждет, что дальше-то будет... А он, дурак, возьми и отойди в сторонку. Потом еще удивленно тарашится: с чего это она вдруг все дела бросила, шифоньером не любит, а сидит за кухонным столом, уныло подперев щеку рукой. Но это ладно, это проходило, хотя, конечно же, рубцы оставались. А вот что было делать с постепенно копившимся раздражением против ночного Вовки? Год пролетел, пошел второй, а у нее в этом плане все то же. Стала злиться – неужели так-таки ничего не видит? Ничего не понимает? Или эгоист такой, что и понимать не хочет? Лишь бы ему хорошо было, а там – хоть трава не расти... Она стала реже отвечать на ночные Володькины призывы – он спокойно перенес и это. Опять не заметил? Или не захотел замечать? Конечно, будь Нелли опытнее, она бы без труда поняла, что и унылое Вовкино однообразие, и торопливость, и неуклюжесть сразу за порогом удовольствия – результат его поразительного невежества в этом вопросе. Она же думала – черствости, равнодушия и даже тупости это результат. А с такими веселыми думами много не проживешь. Вот уже и храп его начинает раздражать. Вилку он как держит – черт знает как! Наверное, только жители Зимбабве еще ее так держат. А ест сколько! Куда в него только лезет?.. Нет, пока еще не всегда она так думает – только в минуты сильного раздражения. Но вот беда – минуты эти все чаще приходят незваными гостями и все преданнее служат ей. Однажды она напрямую спросила его: «Тебе хорошо со мной?» – «Еще бы, Нел!» – ответил он, а вот спросить ее об этом же – вновь не догадался. Да что за чурбан такой! Где его делали – еще бы парочку таких же для разнообразия заказать. Она хоть знать будет, что не одна мается, что еще две дуры неудовлетворенно мучаются на земле, пряча от людей темный груз неистраченных сил. «Вовка, а ты до меня с кем-нибудь спал?» – напрямую спросила его. – «Еще чего!» – благородно оскорбился Вовка. – «Ну и дурак! – подумала с раздражением, – может, хоть чему-нибудь научили тебя, а так – ни рыба ни мясо». Теперь Нелли понимала, что тогда, на практике, к блондину проклятому, Жорке, попала она в умелые и сильные руки. Что Жорка по этой части такие университеты прошел, какие ее законному мужу и не снились. Правда, тут она начинала думать и о том, а не развратил ли ее Жорка до такой степени, что уже никогда и ни с кем она ничего хорошего не почувствует? Хотела даже посоветоваться со Светланой, выпросить, но тут появился этот самый Юрочка Трутнев, заглянул в ее глаза и все понял...

И вот она оглядывается и видит этих двух извергов, выходящих из-за маяка, ужас в глазах Ритки и свой собственный, перекошенный от страха рот. Все это она видит как бы со стороны, потому что одновременно отмечает: изверги – обыкновенные солдатики, в мятой и перепачканной форме, с широко расстегнутыми воротами гимнастеров, в подвернутых кирзовых сапогах. Оба коротко острижены и оба удивленно витаращились на них. И еще успела отметить Нелли – высокому, спортивно сложенному солдатику, с пронзительно голубым цветом глаз, маленьким, упрямым ртом и прямым носом, даже ужасная форма не смогла повредить. Он и в ней выглядел как-то удивительно элегантно, независимо... Правда, осмыслила она все это несколько позже, а вот увидела – сразу.

Что было потом?..

А было то, что уже через час они с Риткой карабкались по витой металлической лесенке на верхотуру маяка, где и замерли в восторге на смотровой площадке – такие дали перед ними открылись, что дух перехватило, о чем-то сокровенном и тайном подумалось... Вот, мол, такая же просторная, прекрасная и бесконечная жизнь ожидает их впереди. Бежали по Амуру

катера, мощный буксир волок вниз по течению большую сплотку леса, клонилося долу солнце, в поселке брехали собаки... Ах, хорошо-то как! Всегда бы так-то вот, чтоб аж дух захватывало, чтобы думать – вот прыгну сейчас с тридцатиметровой высоты и ничего со мною не будет. А тут еще напротив неотступные глаза голубого цвета, отчаянные, с дуринкой. Но ничуть не страшно, а маняще даже... Надо же – бывает и так. И вот уже в руках у Жорки обшарпанная, дребезжащая гитара, и он с хрипотцой поет:

Я помню тот Ванинский порт
И вид пароходов угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт,
В холодные, мрачные трюмы...

Дух захватывало от этой песни, от хриповатого Жоркиного голоса. Все было так необычно, так ново, так захватывающе интересно. А им с Риткой – по шестнадцати лет.

Мы молча спускались туда,
Обнявшись, как родные братья.
И лишь с языка иногда
Срывались глухие проклятья.

Будь проклята ты, Колыма,
Что названа чудной планетой.
Сойдешь поневоле с ума —
Отсюда возврата нам нету...

Коваль, чернявый, голубоглазый, весь крепенький из себя, подпевал товарищу, отстукивая такт по бетонному полу кирзовым сапогом сорок первого размера. Нелли поймала себя на том, что и она легонько пристукивает ногой....

– Девочки, а почему вы на танцы не ходите?

– Потому что вы нас не приглашаете.

Не говорить же, что их не пускают, что Лидия Захаровна – нянька-мамка-воспитатель – солдатиков иначе как извергами и не зовет. И что, не дай бог, если прознает она про эту встречу, с первым же теплоходом отправит их в училище, а там еще посмотрят – нужны ли стране такие вот педагоги, распущенные личности... И поди потом доказывай, что от одного изверга ну просто нет никакой возможности оторвать взгляд, а второй, смуглый красавец, ужас-то какой, уже держит Ритку за руку, что-то нашептывая в ее порозовевшее ушко. Боже, а это-то что? Ее, Нелку Землянкину, обнимают за талию? Да она сейчас... Но что это – нет никакой силы пошевелиться, руки-ноги не слушаются, сердце обморочно умирает, губы пересохли, а в глазах пляшут бесенята. Так вот они какие, изверги эти...

– Придете?

– Не знаем...

– А если желаете, пойдем вечером на берег? Костер разведем и будем под гитару петь до утра.

– Жела-аем!

– Будет – закачаешься!

Жорка слова выговаривает протяжно, с нажимом на букву «о» – получается как-то странно, необычно, красиво.

– Вы еще не курите?

– Ну что вы! – в голос, одновременно, возмутились они.

– Хотите попробовать?

А ведь и в самом деле изверги, хотя на вид о них этого никак не скажешь. И шустрые какие, прямо оторопь берет... Пальцы-то его уже где – под самую грудь процарапались. Ух, гад ползучий!

– А ну, убери руку! – опомнилась Нелли. – Чего распускаешь-то?

– Неллочка, успокойся, я же для страховки, – ничуть не смутился Жорка, медленно убирая руку. – У нас по технике безопасности вообще на площадку посторонним нельзя выходить, а уж без ремня страховочного – и подавно. Правда, Коваль?

– Законно, – вмиг отвечает Коваль.

Хорошо они этот номер отрепетировали.

– Тогда пошли вниз... Хватит здесь торчать, тем более – без ремней страховочных.

А если честно – уходить не хотелось. Так бы стоять и стоять над великой рекой, оглядывая бесконечную марь, которая вдруг оказалась не такой уж и бесконечной с тридцатиметровой высоты, широкую просеку и телеграфные столбы, таинственно уходящие за перевал. Так бы стоять и вечно чувствовать беспокойное присутствие белоголового Жорки, который вот-вот опять может лапнуть за бок, а ей почему-то не противно от этой мысли, совсем не противно, а радостно и тревожно... А Ритка? Притихла и Ритка. Стоит и терпит грубое прикосновение к сухопарой ноге кирзового сапога Ковалья. Вот это попались они, вот это влетели – без веревок, а связаны, не в клетке – а не улетишь...

– Все, Ритка, я пошла, – делает еще одну попытку сбежать от извергов Нелли.

– Вместе пойдем...

И вместе стоят и стоят, опершись локтями на металлическую ограду смотровой площадки, откуда вскоре будет светить по ночам путеводный проблесковый маяк...

Нелли сидела на кухне над тетрадами и, когда Володя вошел, подняла на него удивленный взгляд. Вовка шагнул к ней, обнял за плечи, поцеловал в щеку. Она спокойно приняла его ласку.

– Что так поздно?

– Медведков, ёшкин, всех загонял, – Володя умывался, расплескивая вокруг себя воду. – Сам, как бешеный, день и ночь мотается по делянам, и нам покоя не дает. В леспромхозе все по графику – от и до, а у нас на лесопункте с зари до зари... Сегодня главный инженер приехал, нашему лесопункту знамя привез – победили в соцсоревновании. Так у нас слушок прошел, что главный в управление собирается перебираться, а Медведкова в леспромхоз, на его место...

– Ты есть будешь?

– Спрашиваешь!

Володя уже растирался полотенцем, исподволь присматриваясь к жене. И чем дальше смотрел, тем больше убеждался: да нет же, нормально все! Просто она одним делом занимается, он – другим. Известно, устает она на работе, да еще с этой старой каргой, Алевтиной Степановной конфликтует... Молодая, опыта маловато, а ей сразу два класса дали – попробуй справиться. Она везет, а они-то и рады стараться...

Отварная картошка, соленая рыба, лук и хлеб – вкуснота! Володя наворачивает – за ушами трещит.

– Может, выпить хочешь, я налью? – заботливо спрашивает жена.

– Нет, не хочу, – мотает головой Володька. – Без выпивки аппетит как у волка.

– Действительно, – задумчиво говорит Нелли и смотрит в окно.

– Как там Светлана-сметана твоя поживает? – спрашивает Володя.

– Живет...

– Почему это она Германа отшивает? – с искренним недоумением смотрит на жену Володя. – Мужик что надо! При солидной должности, с квартирой на приiske, а она нос воротит... В прошлом году в институт автодорожный поступил, видать, далеко пойдет...

– Да разве в этом дело? – вздыхая, отвечает Нелли. – Не любит она его...

Ночью, в постели, после долгих сомнений, Вовка нерешительно спрашивает жену:

– Нел, а почему бы нам ребеночка не завести?

Нелли молчит. Даже не слышно – дышит она или нет.

– Слышь, Нел? Два года уже живём... Мать спрашивает, почему не заводим... Ты-то сама как на этот счет, а? Нел, ты не спишь?

– Нет, не сплю...

– Так как ты думаешь?

– А никак, – Нелли резко поворачивается на бок, – никак я еще об этом не думала. А теперь и думать не хочу...

– Но почему, Нел? Ведь все уже...

– Рожать по указанию твоей матери – извини, – перебила Нелли. – Никогда!

– За что ты ее так не любишь? – грустно вздохнул Володя. – Она ведь мать моя.

– Тебе мать, а мне – свекровка... Мне она матерью не стала, потому что с первых дней хотела, чтобы я у нее под каблук была. – Нелли резко откинула одеяло и села в постели. – А я вот не желаю этого! И пусть она даже не надеется! – Нелли уже почти кричала, пристукивая кулаками по одеялу. – Я хочу жить так, как я хочу, а не по указке твоей бесценной мамочки! Слышишь? Пусть она не сует свой длинный нос в мои дела, и ты... ты...

Нелли вдруг громко всхлипнула, прижала ладони к щекам и безутешно расплакалась.

– Нел, Нелли, что с тобой? – испуганно спросил Володя, робко дотрагиваясь до плеча жены. – Успокойся, не надо. Ну, не хочешь сейчас ребенка – не надо... Подождём еще... Зачем же ты так себя изводишь? Слышь, Нел, милая...

Тяжело всхлипывая, вздрагивая плечами, Нелли обиженно ответила:

– Ага... изводишь... Я одна тут, Вовка... совсем одна... Я и родителям своим, пьянчужкам... не нужна... И сама никогда их не любила за это... Все детство куском хлеба попрекали... А тут мать твоя... опять одни упреки... да сколько же можно! – жалобно вскрикнула Нелли. – Я больше не могу!

У Вовки самого навернулись слезы на глазах. Он тоже сел в постели, обнял жену и ласково, как маленькую, стал гладить по голове, жалея ее до спазм в горле, до неожиданного желания сейчас же возле нее умереть, только бы она никогда больше не плакала, не вздрагивала всем телом, как от испуга...

– Ну, Нел, прости меня, – искренне повиноватился Володя, – прости, родная, я больше не буду... Только успокойся сейчас, ну слышишь, не надо больше плакать, хорошо? Хочешь, я и вообще не буду больше к ним ходить?

– Вот еще! – Нелли оторвала ладони от лица. – Только попробуй... Я это я, а ты сын, у тебя другие перед ними обязанности... Только, Вовка, милый мой, родной, – Нелли уткнулась мокрым лицом в Володину грудь, – не давай им меня в обиду, хорошо? И никому не давай, никогда...

– Да я, я, – тяжело заворочалась неведомая, злая сила в Володькиной груди, – я всех расшибу, если вдруг кто... Ты не думай, я только с виду такой тихоня, а если до дела дойдет...

– Я тебе верю, – Нелли обняла Володю за шею. – Я тебе очень, очень благодарна за это... А теперь, Вовка, поцелуй меня... Крепко-крепко, как только можешь...

Вовка неуклюже поймал ее мокрые губы.

– Нет, – быстро прошептала Нелли, – подожди... Я сама... Ложись на подушку.

Вовка послушно откинулся на подушку, и Нелли легко склонилась над ним. Её волосы мягко пролились на него, и он буквально задохнулся от их теплого, дурманящего запаха, но еще теплее и головокружительнее было чувство осторожного прикосновения ее полуночных губ. Вначале настолько осторожного, что он и не понял даже – в самом ли деле коснулась или это примерещилось ему? Но вот и еще одно прикосновение, уже более плотное и продолжи-

тельное, и вдруг жаром обожгло голову, словно бы в далеком детстве из любопытства он опять сунул ее в устье русской печки... Но что особенно удивительно: вместе с жаром он ощутил и родниковую стынь, словно бы припал к заповедному ключику в середине знойного дня... Вовка рванулся обнимать жену, но она сдержала его порыв, и, раздвигая его губы своими, вошла к нему так неожиданно остро, больно и сладко, что он невольно вытянулся всем телом и судорожно вздрогнул, последним усилием сдерживая себя от яростного желания подмять и растерзать это хрупкое, это невесомое и бесконечно дорогое для него существо...

Слышно было, как на стуле рядом с постелью громко стучит будильник, да на кухне капала в таз из умывальника вода.

IV

Лето пролетело, а его никто и не заметил. Бесконечные дожди, распутица, тучи гнуса вымотали людей, вынужденных и по такой погоде править своё привычное дело: заготавливать дрова и сено, обихаживать огород и скотину, работать на производстве. И поэтому когда перевалило на вторую половину августа, подняло облака и снесло верховыми ветрами к чертовой бабушке на Охотское побережье, многие облегченно вздохнули – слава Богу, конец лету-мокрогону. Знали, конечно, что впереди еще и осеннее ненастье, но к этой беде душа заранее готовится, ждет ее, а потому и переносит легче...

А уже по озерам табунились утки к отлету. Давно смолкла, как подавилась чем, кукушка, стихла уссурийская жар-птица иволга – она одной из первых подаётся в теплые края. И во всем уже – предчувствие скорого увядания. Там, смотришь, широко планируя и переворачиваясь, летит на землю первый осиновый лист, а там вдруг вспыхнул шалым огнем куст свидины, и уже чётко просматриваются на деревьях ядовито-зеленые «гнезда» омелы. По низинам и ложам стелются утрами туманы. Прохладнее стало ночью, покрупнели и засверкали звёзды, выманивая душу человеческую...

Утром Сергею Бурлаеву позвонил второй секретарь крайкома комсомола Литвинов.

– Ну, как ты там, в провинции, поживаешь? – весело спросил второй. – Мхом еще не порос? Случаем, не женился?

– Не порос и не женился, – принимая веселый тон Литвинова, ответил Сергей Бурлаев. Он понимал, что второй просто так звонить не будет – не тот уровень, а потому внутренне собрался, готовый к самым различным неожиданностям.

– Вчера шеф о тебе спрашивал. Не засиделся, говорит, он там.

Эт-то уже было интересно...

– А я-то думал, что вы меня совсем забыли в этой ссылке, – засмеялся Бурлаев, снимая очки в массивной роговой оправе и пальцами растирая веки. Глаза у него без очков становились беспомощными, он это знал и на людях очки старался не снимать.

– Знаешь, такие ссылки порой лучше очередного продвижения, – Литвинов помолчал. – Был ты у нас зав. отделом, а вернешься – секретарем, не меньше...

На меньшее и Бурлаев не рассчитывал. Правда, Литвинову можно было бы напомнить, что начинали они вместе, инструкторами, однако он, Коля Литвинов, безо всяких ссылок уже до второго секретаря крайкома комсомола дошел, но Сергей благоразумно этого делать не стал.

– Тут вот что, – перешел к делу Литвинов, – у нас гости из Москвы... Высокие гости, – подчеркнул Коля. – Шеф велел их к тебе отправить... Ты понимаешь меня? Надо будет встретить, отдых организовать – все на высшем уровне. Ну и, разумеется, подарки приготовить.

– А все-таки, что за гости? – решил уточнить Бурлаев, перелистывая настольный календарь.

– Комиссия по финансам из ЦК комсомола... Понял?

– Конечно... Все будет в норме, не беспокойся.

– Домик-то у тебя там, который охотничий, я надеюсь, на месте? – Коля Литвинов дал понять, что официальная часть разговора окончена. – Я бы и сам к тебе туда с превеликим удовольствием нагрнулся – в бильярдной шарики покатавать...

– За чем дело стало – приезжай, – пригласил Сергей.

– Не получается, Сергей Сергеевич, дела... Значит, не женился? Ну и молодец! Это мы поторопились, а теперь вот сидим под каблуком у своих жен... Ну, бывай. Я на тебя надеюсь...

Не успел Бурлаев трубку положить, как в двери постучали. Вошел Юра Трутнев, вежливо осведомился:

– Не помешал?

И вот не скажешь же ему, что помешал, черт тебя дерит...

– Ну что там у тебя еще? – голос у Бурлаева сильный, властный, но с теплыми нотками – не металлический. – Выкладывай.

– Понимаешь, Сергей Сергеевич, есть у меня одна заманчивая идея...

– Ну-ну, давай, порадуешь, – усмехнулся Бурлаев.

– Сделать несколько показательных выпусков «Комсомольского прожектора», скажем, в Покровском леспромхозе. Там подобралась сейчас очень сильная группа, на ее примере мы могли бы...

– Опять Покровский леспромхоз? – перебил его Бурлаев. – Ты, Юрий Матвеевич, часом, не помешался на нем? За два последних месяца – три командировки туда... В чем дело? Ты не забыл, что на территории Прибрежного района работает еще восемь леспромхозов? И в каждом из них, между прочим, тоже есть комсомольские организации со своими «Комсомольскими прожекторами».

– Так я о чем и говорю! – подхватил с несвойственным ему жаром Юра Трутнев. – Провести районный семинар прожектористов, а в качестве примера...

– Семинар прожектористов? – вдруг оживился Сергей. – А что, это – мысль. Мы, кажется, их еще ни разу не собирали?

– В том-то и дело...

– Та-ак, хорошо. Когда и где ты это предлагаешь сделать?

– Я еще не думал...

– Ага, не думал, значит... Давай подумаем вместе. Надо не затягивать. Потом, в конце года, будет не до семинаров.

В общем, со сроками они тут же определились, наметили приблизительную программу семинара с приглашением специалистов из края. Продумали и культурные мероприятия.

– Соберутся активисты, ударники производства, передовая молодежь, – Юра осторожно покосился на Бурлаева. – Может быть, после семинара организовать небольшой вечер?

– Правильно мыслишь, Трутнев. Наконец-то я вижу перед собой инициативного работника аппарата. Конечно, организуй! Пусть они пообщаются в неформальной обстановке, поближе познакомятся, сведут дружбу.

– Я тут прикинул – хорошо бы на лыжной базе ремзавода? У них там есть конференцзал, столовая, рядом лес и прочее...

– База ремзавода? Там этот... Кольчугин? – поморщился Сергей Бурлаев. – Придется через райком партии действовать. Ну ничего, пробьём и этот вопрос... Как у тебя дома дела?

– Нормально... Стасик ходить начал.

– Ну! Вот время летит, – удивился Бурлаев. – Давно ли мы его рождение обмывали, а он уже ходить начал. Молодец! В общем, Юра, действуй, как договорились. Если надо будет – я подключусь. Добро?

– Все понял... Значит, я еще разок туда смотаюсь?

– Хорошо, хорошо, – Бурлаев уже набирал номер телефона.

В кабинете Медведкова дым стоял коромыслом – шло производственное совещание. Как всегда к концу года, из леспромхоза план накинута и – кровь из носа! – его надо было делать. Вот о том, как его делать, какими силами, и шел горячий разговор.

– Надо раз и навсегда отказаться от всяких накидок, – горячился молодой технорук. – У нас плановое производство, а не шарашкина контора. Есть у нас план – двадцать тысяч кубометров деловой древесины, мы его и дадим. А остальное – не наше дело...

– Как это – не наше? – рыкнул Медведков.

– А так... О чем они раньше думали? Как они в начале года планировали?

– Вячеслав Васильевич, подожди, – поморщился Павел Иванович. – Ты думаешь, это они от хорошей жизни? Напрасно так думаешь... Им тоже план из края накинута, в край распоряжение из центра пришло, и так вот, по цепочке, от Москвы и до нас.

– А им по цепочке – отбой! От нашего лесопункта и – до Москвы. На следующий год умнее будут. Планировать лучше научатся.

– Ну, знаешь, – глаза у Медведкова опасно заблестели, – не нам их учить...

– Зато нам их ошибки в планировании расхлёбывать, – не уступал Вячеслав Васильевич. – Мы сейчас технику порвем, что получше и поближе из тайги повыдёргиваем, а потом нас полгода лихорадить будет. Однако план с нас потребуют любой ценой и опять – аврал, опять штурмовщина, нарушение всех технологий...

– Мальчишка! – грохнул кулаком по столу Медведков. – Ты кого здесь учишь? Ты посмотри, кто рядом с тобой сидит: заслуженные бригадиры, начальники участков, руководители звеньев, а ты им мозги вправляешь! Они это тогда уже знали, когда ты еще в горшочек писал, и знали горбом своим, а не из красивых книжек... Сядь и больше не мельтеши.

– Тогда нечего мое мнение спрашивать, – обиженно буркнул технорук.

– А я тебя и не спрашивал! – встал Медведков. – Ни твое, ни лично мое мнение в лес-промхозе никого не интересует. Понятно всем! Ни-ко-го! Есть приказ вышестоящего начальства, он не обсуждается. Это как в партийном Уставе. Тут почти все коммунисты и Устав, я думаю, не забыли, а если забыли – советую подучить. А то сильно много рассуждают у нас некоторые, а как до дела – их с печки арканом не стащишь. В общем, собрал я вас для того, чтобы узнать, как, каким макаром нам с наименьшими потерями и в технике, и в технологии, и в людских ресурсах взять эти сверхплановые кубики? Задача ясна? Прошу высказываться. А эмоции, намазывание соплей на кулак, прошу оставить на потом. – Медведков неожиданно улыбнулся. – Для дома, для семьи, как говорится...

– Ночь-полночь, куда это ты опять собираешься, Паша? – на пороге в спальню стояла в ночной сорочке Варя. Прикрывая шею рукой, она вопросительно и тревожно смотрела на мужа.

– Спи, – буркнул Павел Иванович, с усилием вгоняя ногу в сапог, – отдыхай...

– Да уж какой тут отдых, – невольно улыбнулась Варя, проходя к кухонному столу. – Бухаешь, как трактор... Тебе чего-нибудь с собой приготовить?

– Ничего не надо.

– Ну, Паша, а как же ты так: не емши, не спамши, подхватился и айда...

– Надо, Варюха, надо!

Варя посидела тихо и молча, наблюдая за сборами мужа, глубоко вздохнула:

– Ты хоть когда вернёшься-то? Когда тебя ждать?

– Чего не знаю – того не знаю, – усмехнулся Медведков. – Конец года, должна уже привыкнуть...

– Я привыкаю, – слабо улыбнулась Варя, – ко всему привыкаю... Ты бы, Пашенька, меховую безрукавку пододел – такие морозы жмут на улице.

– Давай.

– Ребятишки по тебе сильно скучают, совсем ведь не видят тебя последнее время: ночью приходишь, ночью уходишь. Ты хоть для них-то время найди, Паша.

– Во! – оживился Павел Иванович. – Напомнила...

Он порылся в карманах куртки и достал две кедровые шишки.

– Это вот им от зайчика. Так и скажи, поняла? Большая шишка Волохе, как старшему, маленькая – Пал Палычу.

Варя приняла шишки и стояла напротив мужа, смотрела, как он собирается: маленькая, простоволосая, с носиком-пуговкой, крупноватыми скулами и большим, некрасивым на

ее лице ртом. И по тому, как стояла, как смотрела, сразу можно было догадаться, что любит она своего мужа, до беспамятства любит, и если случись вдруг чего – опорой ему будет верной и надежной, чего бы там ни случилось. И еще как-то так вот сразу понималось, что не ради себя, а ради него самого любит, что в этой любви – все для него, Павла Ивановича, а уж потом, если чего останется, крошки какие, можно и о себе подумать. Редкое качество любви, между прочим, по нашим-то временам. У нас ведь как теперь: полюбил и сразу – мое, не замай, только мне принадлежит! И все только к себе примеряется, на себя тащится, безо всякого интереса к тому, а каково предмету твоей любви – удобно ли, хорошо ли от твоих чувств сердечных, или, наоборот, взвыть ему от них хочется и куда попало, хоть на край света, бежать поскорее...

– Шарф дай поправлю.

Павел Иванович послушно склонил голову на крепкой шее, и Варя заботливо подоткнула шарфик под борт воротника. Не удержалась, легонько приткнулась к мужу, приподнимаясь на носках в разношенных комнатных тапочках.

– Эх, исхитрилась, значит? – улынулся Медведков, обнимая жену и оставляя на ее щеке торопливый поцелуй. – Вам бы, бабам, все обжиматься...

– А ты как думал, – счастливо смотрела на него Варя.

– Ладно, пошел я.

– Пашенька, может, хоть термос с чаем возьмешь?

– На котлопункте поем... А ты вот что, Варюха: скажи ребятишкам – в январе к деду с бабушкой поедем. Пусть огольцы немного порадуются

– Правда, что ли, Паша? – радостно вспыхнула Варя.

– Нет, кривда... Раз сказал, значит – поедем! Вот свалим план и сверхплановые, будь они трижды неладны, и в январе можно будет расслабиться.

– Радость-то какая для ребят.

– И для тебя, поди?

– И для меня, – опустила взгляд Варя.

Павел Иванович привычно бухнул утепленной дверью, а Варя еще долго стояла у порога, словно надеялась, что муж вот-вот за чем-нибудь вернется.

– Нелли Семеновна, зайдите, пожалуйста, ко мне, – попросила после уроков Алевтина Степановна.

– Пожалуйста, – без удовольствия ответила Нелли, собирая тетрадки в аккуратную стопку.

Ничего хорошего она от этого разговора не ожидала.

Алевтина Степановна вежливо поговорила на общие темы, поинтересовалась настроением, дала несколько добрых, но, как думала Нелли, никому не нужных советов, и наконец затихла в продолжительной паузе, готовясь к главному разговору. Нелли уже достаточно хорошо изучила директора и терпеливо ждала.

– Знаете, дорогая Нелли Семеновна, – наконец собралась с духом старушка, – до меня, извините, дошли странные и нелепые слухи... Поймите меня правильно – я против слухов, против назиданий надоедливых старух и так далее. Мне никакого удовольствия не доставляет этот наш разговор, но мы с вами работаем в школе. В шко-ле!

– А в чем, собственно, дело? – поторопила Нелли.

– Дело в том, Нелли Семеновна... Дело, собственно, в вас, в вашем, э-э-э... поведении. Ходят упорные слухи, что вы, как бы это сказать точнее, что вы слишком часто встречаетесь с молодым человеком из района... У нас деревня, Нелли Семеновна, – старушка почти виновато смотрела на молодую учительницу сквозь простенькие круглые очки. – У нас ничего невозможно скрыть. Все на виду...

– А мне нечего скрывать! – гордо вскинула голову Нелли. – И я ничего не собираюсь и не собиралась скрывать...

Алевтина Степановна внимательно всмотрелась в нее: за долгие годы учительства она привыкла разбираться в людях, выделять даже оттенки интонаций и по ним составлять мнение о человеке. И сейчас она вдруг поняла, что Нелли Семеновна, к которой у нее с самого начала было очень сложное чувство покровительства и ревности одновременно, что сейчас она сказала правду. Но Алевтина Степановна очень хорошо знала и другое – дыма без огня не бывает. Так в чем же дело?

– Я вам верю, Нелли Семеновна... Но этот молодой человек из района существует?

– Да...

– Вы с ним встречаетесь?

– Только по делам «Комсомольского прожектора» и только в Красном уголке.

Алевтина Степановна задумалась, привычно постукивая тупым концом карандаша по столу.

– Я вот что хочу посоветовать, Нелли Семеновна. Вы, возможно, и не нуждаетесь в моих советах, но хотя бы просто послушайте умудренного годами старого человека... Я знаю, что все так и есть, как вы говорите, но... Нелли Семеновна, голубушка, дайте вы ему почувствовать, этому молодому человеку из района, что он никому здесь не нужен, что никто его не ждет и ждать не собирается... Он и перестанет ездить, а люди перестанут говорить...

– Будет ездить другой, – тихо сказала Нелли.

– Что?

– Алевтина Степановна, душно мне здесь, – неожиданно даже для самой вырвалось у Нелли. – Не могу я, ну вот не могу, и все... Понимаете? – Нелли смотрела прямо в глаза потрясенной старушке. – Когда ехала сюда и в самые первые месяцы думала я, что все ерунда. Привыкну к деревне и буду жить, как все. Живут же другие, и я, мол, проживу... А теперь вот признаюсь – не могу...

– Да что вы, милая, что вы, – всполошилась добрейшая Алевтина Степановна. – Не принимайте все так близко к сердцу и на мои слова не обращайтесь внимания. Наше дело такое, старушечье, поворчать, уму-разуму молодежь поучить...

– Да нет, Алевтина Степановна, – тяжело вздохнула Нелли, – все верно вы говорите, все правильно... И этот, хмырь из райкома... Ему комсомольские дела эти – как зайцу пятая нога... Не по комсомольским делам, а ко мне он ездит, все правильно, как правильно и то, что – нет у нас с ним ничего и не будет... В этом вы мне можете поверить.

– Я верю, – прошептала Алевтина Степановна, – верю...

«Ну и как им всем объяснишь, – думала дома Нелли, – что мне тесно в этой их жизни! Мне мало школы, дома – мне хочется больше! Мир вон какой огромный, он ведь для каждого человека и для меня тоже. А я тут как в клетке. Загнали меня в эту клетку, заперли двери и хотят убедить, что весь мир – внутри этой клетки. Снаружи, мол, ничего нет. Пустота снаружи. А я-то знаю, что там жизнь, там интересные люди, там просто интересно... И я хочу туда! Хочу, и все тут. Почти три года в клетке – это слишком много для меня. Еще три года – и я умру или буду такой же, как они: сварливой, падкой на деревенские новости бабой, буду копить деньги на отпуск и ковры, кормить свиней, напиваться на гулянках, скандалить с мужем. И вот тогда-то мне никто и ничего не скажет, потому что я буду жить, как они... Я-то думала, я мечтала, что у меня будет муж, он откроет дверцы этой проклятой клетки и поведет меня за собой. Куда угодно я идти за ним собиралась – хоть к дьяволу, хоть к богу, лишь бы не стоять на месте. А вместо этого... Боже, вместо этого мой муж на дверь с внутренним замком еще и наружный, амбарный замок навесил. И дай ему волю, он же на всякий случай сварочный аппарат приволокет и те двери к стенам приварит... Чтобы – ни с места, значит, чтобы – при

нем... Тошно-то как, тошно... Неужели человек только для этого и рождается? Дважды перечитала романы Достоевского – нет, не для этого... А для чего? Есть, пить, отправлять естественные потребности и животные могут. Чем же мы от них отличаемся? О будущем думаем? Так опять же для того, чтобы – пить и есть. Все в проклятый желудок упирается. Двадцать три года прожила, а только и знаю, что у меня желудок есть и что его набить надо. А чтобы набить – необходимо работать... А мне мало этого, я не хочу так! Я для большего родилась. И люди не все из-за своих желудков рождаются... А из-за чего? Зачем человек вообще рождается? Не все ли ему равно, есть он на земле или его не будет, сегодня это случится или завтра... И Юра этот. Привязались с ним ко мне. А он мне совершенно не нужен, я без него жила и могла бы дальше жить, но он из другого мира, из другой жизни, в которую и мне хочется... Имею я право желать? А любить? Какая же я дура была, какая наивная дура, когда вдруг решила за Володьку замуж пойти. С этого все и началось – клетка золотая захлопнулась... Я замуж-то для радости выходила, для счастья, а что получилось: стираю его рубашки, готовлю ему кушать, убираю за ним... А взамен? А взамен ничего, никакого удовлетворения – ни морального, ни-ка-кого. И что же теперь делать мне?»

До мысли о разводе она еще не дошла, она еще не допускала, что это единственный выход, она еще втайне, даже от самой себя – втайне, на что-то надеялась...

– Нет, Юрочка, нет, миленький, ничегошеньки у тебя не выйдет...

Они стояли, разделенные столом, и Нелли все еще тяжело дышала, чувствуя, как больно держится какая-то жилка на шее.

– Но почему, Нелли? – хрипло спросил Юра, тоже запыхавшийся, растерянный и злой. – Что мешает?

– Все мешает, Юрочка. Вот эта комната, – она повела глазами по обшарпанным стенам старенькой гостиницы, – эти окна и – вообще все... Здесь – никогда! Ни за что!

– Ну-ну, хорошо, – с усилием сказал Юра, – хорошо... Я тебя понял. Иди и садись рядом, не бойся, я больше не буду...

– Я не боюсь, – просто ответила Нелли. – А посижу вот здесь.

Она присела у краешка стола, все еще настороженная, готовая к отпору.

– Хорошо, – вкрадчиво повторил Юра, – не здесь, а где тогда?

– Не знаю, – быстро ответила Нелли. – Сюда тебе больше приезжать нельзя.

– Это еще почему? – Юра встревоженно взглянул на нее.

– Потому, Юрочка, что о нас с тобой начали в поселке говорить.

– Ерунда какая! – Юра покосился на дверь. – Мы же занимаемся делом... Я – представитель райкома комсомола, ты – председатель «Комсомольского прожектора». Что тут особенного, если мы встречаемся по делам?

– А то, Юрочка, – Нелли окончательно успокоилась, – что меня по этому поводу вызывала Алевтина Степановна и строго предупредила...

– Что-о? – наконец-то Юра по-настоящему напугался. – Она откуда знает о нас? С чего она взяла?

– Люди говорят, – как маленькому, терпеливо повторила Нелли.

Лицо у Юры Трутнева сразу посерело и вытянулось, черные усики беспомощно обвисли. Он встал и подошел к двери, послушал. Потом отворил ее и внимательно посмотрел в коридор.

– Черт знает что, – пробормотал Трутнев, не зная, что делать дальше.

– У нас же деревня, Юрочка, обыкновенная деревня, здесь все и всё знают.

– Действительно, – Юра нервно прошелся по комнате.

Он сразу и до конца оценил ситуацию: если хоть какой-нибудь слушок докатится до райкома – все! Пропал семинар, а вместе с ним и надежда проглотить эту ягодку... Именно на семинаре он планировал окончательно покорить сердце провинциальной красавицы, после

чего она уже сама должна была искать возможности встречаться с ним. А что все так и произойдет – он не сомневался. И если сейчас поторопил события, то только потому, что не совладал с собою... Да и попробуй удержать себя, когда перед тобой этакое чудо, да еще с этим пламенем в глазах, которое Юра Трутнев согласен был тушить день и ночь подряд.

– Ты напугался, да? – прервала затянувшееся молчание Нелли.

– Хорошего мало, – нахмурился Юра. – А как твой муж реагирует?

– Муж? – удивилась она.

– Ну да... Он тоже говорит или пока молчит?

– Пока молчит, – усмехнулась Нелли.

– Тогда вот что... Я завтра же уеду, а к концу недели ты получишь официальный вызов на районный семинар прожектористов...

– Правда?! – искренне обрадовалась Нелли. – Будет такой семинар?

– Будет... Так вот, перед отъездом в Прибрежное позвони мне. Я там все к твоему приезду подготовлю... Поняла?

– А что надо готовить, Юра? – насторожилась Нелли.

– Как – что! Отдельный номер в гостинице, например, машину, чтобы тебе наши окрестности показать, шашлык, коньяк и так далее...

– И все это будет? – удивилась Нелли.

– Спрашиваешь... Мы, Неллочка, там такой пир закатим, – но он тут же спохватился, прислушался, причем у него как-то странно вытянулся и без того длинный нос, мельком взглянул на Нелли и со вздохом сказал: – А сейчас, Ягодка, тебе пора...

– Прогоняешь? – нарочито нахмурилась Нелли, забавляясь его испугом. – А потом жалеть не будешь, Юрочка?

– Разве я прогоняю, но если ты говоришь...

– Не оправдывайся, – Нелли поднялась. – Пошла я, а то и вправду нас здесь застукают.

Юра заботливо подал плащ и, когда она откинулась назад, продевая руки в рукава, не удержался-таки, стиснул ее за талию, прилипая, впечатываясь в нее своим телом.

– Нелли... – прошептал Юра. – Ой, Нелка, пропаду я с тобой... – Он зарылся острым носом в ее волосы, тяжело задышал, жадно и торопливо обласкивая руками. – Ведьма ты, колдунья, с ума сводишь...

И никогда, ни разу не пережила она такого сильного волнения с Володькой, такого безумия, когда хочется плакать и смеяться... Последним усилием воли она удержала себя и чужим, севшим голосом позвала:

– Юра, Юрочка, ты забыл?

Он не услышал ее, уже пробравшись руками под кофточку, и тогда она соврала:

– Кто-то идет, Юра?..

– Где? – Юра замер и, воспользовавшись этим, Нелли поспешно выскользнула из его рук.

Поправила на себе одежду, смущенная его и своим бесстыдством, погрозила пальцем:

– Ну ты, Юрочка, артист... Поплакали от тебя девки...

Трутнев вслушивался и внимания на ее слова не обратил.

– Значит, жди вызов, – прошептал он, все еще встревоженный.

– Значит, жду...

От осторожного стука в окно Светлана проснулась и затаилась в постели: а вдруг показалось, вдруг ветер на желтых осенних лапах пробежался по стеклу, или оторвало сухую веточку с тополя и швырнуло в окно. Но вот стук повторился, и в нем уже нетерпение, недовольство, в нем уже весь до капельки Медведков – суматошный, жестокий и бесконечно добрый.

Света выскользнула из-под одеяла и не касаясь пола полетела к двери.

– Привет, пожарница! – усмехнулся он, сгреб ее в объятия, притиснул, ткнулся в шею морозным лицом, и она, не чувствуя холода, босая, в одной ночной рубашке, замерла подле него. – Как ты тут поживаешь? – тихо спросил Павел Иванович.

– Тебя жду, – одним дыханием ответила ему Светлана.

– Все время сидишь и все время ждешь?

– Все время сижу и все время жду, – засмеялась она. – Такая уж у меня судьба...

– Простынешь ведь... Пошли в комнату.

– Ты голодный?

Теперь засмеялся Медведков, сбрасывая прямо на пол меховую куртку, шарф и ондатровую шапку:

– Не угадала, Светленькая, сегодня я сыт до упора, как боров...

– Ну вот, а я тебе вареников с капустой и картошкой налепила, – огорчилась Светлана. – Весь вечер на кухне провела.

– Да откуда же ты могла знать, что я нынче приеду? – удивился Павел Иванович.

– Вот – знала, – смутилась Светлана.

– Чудо ты мое чудное, – подхватил ее на руки Медведков и закружил по комнате.

– Пусти, я замерзла...

– А вот мы тебя байньки уложим, – Павел Иванович осторожно опустил Светлану на постель и тщательно укутал в одеяло. – Вот так, маленькая, так, Светленькая, так, стриженная комсомолочка моя... Лежи и не шевелись, а я чай греть поставлю и страшную историю тебе расскажу.

– Историю? – насторожилась Светлана. – Какую еще историю?

– Сейчас узнаешь. – Медведков включил плитку и поставил чайник. – Вчера пьяный тракторист трелевщик в речке утопил. Выпил, хрен лысый, ему показалось мало, вот он на трелевщике за выпивкой и рванул. Ты слышишь?

– Да...

– А лед хоть и встал две недели назад – слабый еще. – Павел Иванович быстро поставил на небольшой круглый поднос из пластмассы бутылку коньяка, две рюмки. Крупными ломтиками порезал лимон, посыпал сахаром и уложил на чайное блюдечко. – Вот он, в душу его мать, и ухнул на середине реки. Хорошо хоть сам успел выскочить, а трактор затопил по самую крышу. Я на верхнем складе был, когда мне эту историю сообщили. Примчался туда... Этот... урод, качается передо мной и улыбается: хоть сразу его прибей, хоть на потом оставь – ему все равно...

– Паша, ты что там так долго? – жалобно позвала Светлана. – Я соскучилась...

– Один момент, один момент еще, Светленькая... Теплая моя, ласковая, сейчас иду... И что ты думаешь – пришлось нырять, цеплять трелевщик тросом и вытягивать... Благо под боком дорожники были – трассу на новую деляну били. Вот мы с бульдозеристом по три раза и нырнули, пока трос-то сумели закрепить...

– Паша, ты тоже нырял? – напугалась Светлана.

– Ни с места! – завопил Медведков. – Лежи! Я уже иду к тебе...

И он появился с подносом, торжественно-смущенный и смешной. Придвинул ногой табурет к дивану, поставил на него поднос и громко велел:

– Царствуй, несравненная!

– Паша! – всплеснула руками Светлана. – Это в честь чего же такой праздник?

– А в честь того, ласковая, – Медведков сел на диван, и положил голову Светлане на грудь, – что меня назначили главным инженером леспромхоза. – Он выдержал длинную, торжественную паузу и не без гордости спросил: – Ну как, сразил?

Светлана не ответила. Медведков резко повернул голову и увидел, как катятся по щекам Светланы две крупные прозрачные слезинки.

– Что с тобой, Светлая, что случилось? – испугался он.

– Но ведь теперь ты уедешь в Прибрежное? – тихо прошептала Света.

Павел Иванович ошалело уставился на свою ласковую – об этом он как-то и не подумал. А ведь летом, только по одному его слову, она не поехала поступать в институт.

Так поздно снег никогда еще не ложился – в последних числах ноября. Поля, леса, звери и птицы – все истосковалось по нему. Стылая, черная, неприбранно-неряшливая земля опостылела в таком виде сама себе и на каждый шаг отзывалась недовольным скрипом и скрежетом... Но вот сорвалось и наконец упало на землю невиданно пушистое, подбитое холодом пуховое одеяло, и все переменялось вокруг. Поля и перелески засверкали от нестерпимой белизны, посветлел, помолодел лес, опрятнее стали завалы бурелома и даже пни приосанились на полянах: на каждом из них словно бы сидит этакая добротная шапка-ушанка. На фоне поседевших в одну ночь сопок отчетливее проступили хвойные деревья, а вот белокожие красавицы березы стали едва заметны... Тишина и покой повсюду. Лишь высоко в небесах искрятся и с шорохом осыпаются звезды, да круглоликая луна, словно скатанный ребятишками из мокрого снега шар, кочует по безбрежным просторам...

Все поутихло в тайге, все замерло и затаилось, и только чуть слышен шорох бронзовой листвы на одиноко стоящем дубе.

И ведет, и уводит память, и никуда от нее не деться, как от преданной и постылой подруги. Этот пожизненный оброк, всегда обязательный, но не всегда приятный, преследует нас всю жизнь. И мы идем на поводу у памяти, как верные, но не очень злые псы, готовые по ее приказу сорваться и нестись сломя голову бог знает куда и бог знает зачем...

Тот отблеск костра навсегда остался живым и теплым, манящим и родным. Словно бы в нем растопились последние льдинки детского недоверия и страха перед грядущей жизнью. Тот отблеск костра – приметная веха, от которой пошло уже юношеское летоисчисление и одновременно рубеж, за которым остались самые счастливые, самые беззаботные и радостные ее дни...

Они с Риткой сидели на небольшом обрубке дерева, крепко прижавшись друг к другу от неуверенности и страха. А по ту сторону костра, напротив, сидели два солдатика и пели под дребезжащую гитару:

Вы слышите: грохочут сапоги,
И птицы ошалелые летят...
И женщины глядят из-под руки,
В затылки наши бритые глядят

И ах как же хотелось им быть этими женщинами, красивыми, многоопытными, глядящими из-под руки в стриженные затылки солдатиков.

Вы слышите, грохочет барабан,
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней!
Уходит взвод в туман, туман, туман,
А прошлое ясней, ясней, ясней...

И слышался им этот грохот барабана, солдат прощался с Ней, крепко обнимая плечи и целуя в губы, и уходил потом вместе со своим взводом в туман, на прощание весело и отчаянно взмахнув рукой с зажатой в ней пилоткой. Где все это они видели, во сне или наяву, в кинохронике или вычитали в книгах, но так все отчетливо и правдиво вставало перед их глазами,

что дух захватывало. В эти минуты, наедине с собою, они были готовы на все, они даже хотели, чтобы сейчас, немедленно случилось это все – такое страшное и манящее, такое взрослое и таинственное.

И снова переулком сапоги,
И птицы ошалелые летят...

Стихли последние аккорды, растворились в черной, непроглядной ночи голоса, и они испуганно встрепенулись, и освобожденно порадовались: слава богу, ни о чем их солдатики не догадались, мысли их не подслушали... И первый испуг за собственные мысли, за смутные мечты. «Как, это я так думала? Я так хотела? Какой ужас! Какая я, оказывается, плохая... Что теперь делать? А вдруг кто узнает – стыдно-то, стыдно как. Неужели я одна такая? Неужели только я так плохо думаю?» И пристальный, внимательный взгляд на подругу, и тяжелый вздох: «Наверное, только я...»

– Ты чего вздыхаешь?

– Да так просто... А у тебя почему глаза блестят?

– И ничего они не блестят...

– Я, наверное, вижу, блестят они у тебя или нет...

– Девочки, кончай секретничать, – сквозь пламя костра Жорка смотрит пристально, немигающим взглядом.

– Мы не секретничаем.

– Понравилась песня?

– Ой, хорошая такая... Спойте еще!

– Споем, если хорошо попросите.

– Пожалуйста, спойте еще что-нибудь.

– Вы что, девочки, в детском садике: не знаете, как просить?

– А как? – робко переглядываются они.

– Учи вас, – ворчит Жорка, поднимается и, страшный, огромный в отблесках костра, идет неторопливо к ним.

– Ой, Нелка, влипли! – торопливо шепчет Рита.

– Не трусь, – с трудом выговаривает Нелли.

Они сидят, крепко сцепившись руками и снизу вверх испуганно смотрят на приближающегося Жорку.

– Коваль! Забери свою рыжую! – приказывает Жорка и подсаживается к Нелли.

«И почему ему Ритка не понравилась? – с паническим ужасом думает Нелли. – Вон какая длинноногая...»

– Мы не хотим, – испуганно пискнула Рита, но Коваль, смуглый и голубоглазый бандюга, взял ее за руку и единым движением поднял с места. – Ой-ой-ой! – заверещала Рита. – Ой-е-е...

Коваль тут же, не сходя с места, запечатал ей рот поцелуем.

– Ну, Малышка, видишь, как это делается? – Жорка положил руку ей на плечи, притянул к себе, обдав крепким запахом табака. – Только я хочу, чтобы ты сама меня поцеловала... Ты целоваться-то умеешь?

Не в силах отвечать, она лишь кивает в ответ.

– Тогда давай...

Жорка склонился к ней и подставил слегка вытянутые в ожидании губы.

– Ну, давай же...

И она потянулась к его губам, медленно, осторожно, словно шла по тонкому льду, а едва коснувшись их, отпрянула в сторону.

– Э-э, Малышка, разве так целуются? – спросил улыбающийся Жорка. – Так ты маму-папу да братика будешь целовать, а мы поцелуемся вот так...

Казалось, небо обрушилось на Нелли или же она провалилась под лед, по которому так осторожно шла к первому в своей жизни поцелую – нечем было дышать, нечем было думать, и только нестерпимо обидная и сладкая боль неудержимо расцвела на ее полоненных губах. В страхе она замолотила кулаками по Жоркиной груди, замычала, вырываясь и не в силах вырваться, задергала ногами... И вот – свобода! Жорка отпустил ее. Она хватанула воздуха, широко и потешно раздувая ноздри, открыла глаза (оказывается, они у нее были закрыты), увидела смеющееся Жоркино лицо и с ненавистью прошептала:

– Дур-рак...

Жорка взял несколько аккордов, отвернулся от нее и грустно запел:

Милая и родная,
Выгляни из окна...
В небе поймай глазами
Блик моего костра...

А ей уже стыдно за себя, за это детское – «дурак», ей уже жаль Жорку, такого одинокого и грустного рядом с нею, посреди темной ночи. И она осторожненько, несмело прикасается плечом к его плечу и замирает от тайного восторга, и почти умоляет Жорку: «Ну возьми, поцелуй меня снова. Целуй сколько хочешь, только не обижайся, только пой и пой эти чудесные песни...»

V

Последний вопрос, который стоял на повестке дня бюро Прибрежного райкома КПСС, – персональное дело коммуниста Петра Константиновича Дворцовского. Заслушав сообщение по существу дела, Владимир Александрович Пушмин обратился к членам бюро:

– Пожалуйста, товарищи, ваше мнение...

Никто не решался говорить первым. Сидели, опустив взгляд, выжидали.

– Товарищи, давайте поактивнее, – поторопил первый секретарь. – Нам с вами решать: идти Петру Константиновичу под суд или...

Владимир Александрович многозначительно умолк и уткнулся в личное дело Дворцовского.

– Можно мне? – поднял руку директор ремонтного завода.

– Да, пожалуйста.

– Я думаю, тут двух мнений быть не может: украл – отвечай! Тем более, Дворцовский украл у государства и украл немало – девять тысяч рублей. Извините, но это без малого месячный фонд заработной платы слесарного цеха на нашем заводе. Пусть отвечает и как коммунист, и как гражданин...

– Еще какие будут мнения? – желваки на скуластом лице Владимира Александровича заходили ходуном, и Бурлаев понял, что он недоволен предложением директора ремзавода.

– Разрешите?

– Сергей Сергеевич? – вскинул голову Пушмин. – Говори...

– Мне думается, – Бурлаев откашлялся, – не надо быть столь скоропалительно категоричным – решается судьба человека...

– Вот именно, – нахмурился первый, и Сергей с облегчением понял, что правильно угадал желание Пушмина.

– Тем более, мы все прекрасно знаем Петра Константиновича как человека исполнительного, умеющего мыслить современно... Насколько мне известно, прибыли ресторана «Волна» растут, обслуживание клиентов с приходом Петра Константиновича намного улучшилось, появились прекрасные отклики в книге отзывов... А что касается недостачи, товарищи, – Бурлаев обвел членов бюро внимательным взглядом за толстыми стеклами очков, – кто из торгующих организаций от нее застрахован? Наверное, только те, кто плохо торгует, – усмехнулся Сергей и сел на место.

– Но речь идет о воровстве! – вскочил директор ремзавода.

– Минуточку, – остановил его Пушмин. – Сергей Сергеевич, у тебя какие будут предложения по Дворцовскому?

– Наказать, разумеется, – с места ответил Бурлаев. – Наказать по партийной линии, чтобы впредь копейку считать научился... Строгий выговор с занесением в учетную карточку.

– Хорошо... Спасибо... Кто еще из членов бюро имеет какое мнение?

Все молчали, отлично понимая, в какую сторону и как решится судьба Дворцовского. Сам он, до этого сидевший в углу с низко опущенной головой, бледный, вздрагивающий от каждого громкого звука, слегка распрямился, пот, до этого ползущий по его вискам, просох.

– Что же, подведем итоги? – Владимир Александрович встал. – Я думаю, товарищи, нет ничего проще, как отправить человека под суд... Вот сейчас заберем мы у Дворцовского партбилет и считай – нет человека. Правильно? А у него семья. Между прочим, товарищ Кольчугин, у него двое детей. – Пушмин строго посмотрел на директора ремзавода. – Вы человек молодой, начинающий жизнь, и я хочу вас предупредить: принципиальность – дело хорошее, но когда за нею не видят человека, извините, кому она нужна? Да, виноват Дворцовский, сильно виноват, но он искренне раскаялся и уже внес те деньги, что вменялись ему в криминал... Я думаю, Петр

Константинович за эти дни все проанализировал и взвесил, сделал соответствующие выводы, и впредь будет более аккуратен в обращении с социалистической собственностью. В общем, я целиком и полностью согласен с предложением первого секретаря райкома комсомола – ограничиться в отношении Дворцовского строгим выговором с занесением в учетную карточку... Ставлю на голосование. Кто за то...

Когда бюро закончилось и его члены, шумно отодвигая стулья, потянулись к выходу, Пушмин окликнул Бурлаева:

– Сергей Сергеевич, задержись на минутку...

Сергей остался сидеть на своем месте.

– Ну, как дела, комсомолия? – с улыбкой спросил Владимир Александрович.

– Да вроде бы нормально, – осторожно ответил Бурлаев.

– Тебе сколько лет? – неожиданно задал вопрос Пушмин.

– Лет? – растерялся Сергей. – Я с сорок восьмого года...

– Значит, тридцать тебе уже стукнуло? Прекрасный возраст, Сережа, прекрасный... Я в этом возрасте из армии демобилизовался, в шестьдесят третьем... Слушай, а не надоела тебе комсомольская работа?

– То есть – как?! – опешил Бурлаев.

– А вот так! – Пушмин прихлопнул ладонью по столу. – Мне кажется, что тебе уже тесноваты рамки комсомольской работы... Пора подумать и о более широком оперативном просторе... У меня, между прочим, в будущем году Филатов уходит на пенсию, а заменить его некем. Честно говоря, устал старик, выдохся и все последние годы помощи от него никакой. Держали за старые заслуги, но теперь он сам просится. А с тобой, Сергей Сергеевич, я думаю, мы сработались бы: мужик ты толковый, с техническим образованием, соображающий... В общем, ты подумай на эту тему, хорошо подумай, взвесь все за и против – время есть. Но пока – молчок. Не было у нас с тобой об этом разговора. Пока – не было! Договорились?

С сильно бьющимся сердцем выходил Сергей Бурлаев из кабинета первого секретаря Прибрежного райкома КПСС.

В конторе лесопунка работала приемная комиссия ГАИ из райцентра. Володя Басов, успешно сдав теоретический экзамен на право называться водителем второго класса, взмокший от волнения, выскочил на крыльцо и закурил. Курить он начал недавно, после трехлетнего перерыва (курил в армии), и первая затяжка все еще оглушала горечью, голова начинала кружиться. Он стоял на крыльце, курил и смотрел вдоль пустынной улицы, празднично украшенной недавно выпавшим снегом. Редко где вились над печными трубами прозрачные дымы, редко где скрипнет калитка, морозно прохрустит снег, а так тишина в поселке – густая, застоявшаяся, вечная.... Отсюда, с крыльца конторы, хорошо просматривается излучина Амура, вся его необъятная ширь с пойменными лугами, старым руслом, протоками и старицами, и все это выбелено, изукрашено первоснежьем, блистает в такой первозданной чистоте и нарядности, что дух захватывает... И Володя смотрел, не уставая восхищаться с детства знакомым пейзажем, представляя, как туго и яростно несутся под ледяным панцирем холодные воды к суровому Охотоморью. Низкое солнце, вывалившееся из-за сопков, медленно подвигалось к заходу, тускло освещая нарядную жизнь на земле...

– Здорово, шеф!

Володя вздрогнул от неожиданности и оглянулся: перед ним стоял Васька Соломатин. В валенках с высокими голяшками, ватных брюках и фуфайчонке, подпоясанной узким ремешком, в кроличьей облезлой шапке – одно ухо отпущено, другое подвернуто – Соломатин выглядел карикатурно смешно. Особенно сейчас, когда нос у него был задорно вздернут, узковатые

глаза вызывающе блестели, и весь он, наэлектризованный спиртным, был угловато-несуразный, жалкий и смешной.

– Здорово, Василий, – ответил Басов. – Загулял?

– Есть маленько, – ухмыльнулся Васька.

– В честь какого праздника?

– Какого праздника? – переспросил Василий, презрительно и долго посмотрев на Володю, потом, что-то решив для себя, подошел ближе, сплюнул под ноги и серьезно сказал: – Живу, шеф, вот и праздник!.. Другого не надо. Вон сорока летит и на весь лес сорочит, а вот Шарик к соседской сучке побежал – они просто живут и радуются, понял! Они не знают про Новый год, Седьмое ноября, Восьмое марта, а потому у них – каждый день праздник... Шарик-то, он уже людьми порченный, он уже, может быть, чего и соображает про Первое мая – кость ему лишнюю бросят, приласкают спьяна или пинка дадут, а вот сорока-белобока, та в чистом виде тварь, не нам с тобой, шеф, чета...

– Ну, Василий, философ же ты, – удивился Володя. – Все, ёшкин корень, какую-то хреновину несешь.

– Дай закурить, – попросил Соломатин.

– Отгулы у тебя, что ли? – вытряхивая папиросу из пачки, спросил Басов.

– Ага... Отгулы – за прогулы, – Василий прикурил и раскашлялся. – Медведков-то уходит?

– Считаю, ушел уже.

– А кто вместо него?

– Лопушков, говорят...

– Вячеслав Васильевич? – нахмурился Соломатин. – Этот жить не даст – зануда, каких свет не видывал... Может, не он?

– Да вроде он...

Соломатин тяжело вздохнул и отвернулся.

– Слушай, Василий, все хотел тебя спросить... Помнишь, ты тогда со мной ехал и всех людей по сортам развел: этот такой, этот – сякой... Я чего хотел у тебя спросить... А вот меня, ёшкин, ты куда, в какую категорию определишь?

– Тебя? – Васька презрительно скривился и выплюнул окурочок. – Тебя, Володимир, пока никуда определить невозможно...

– Как это? – сильно удивился Басов.

– А так... Ты, Володей, пока еще только заготовка на человека, из тебя еще что угодно можно лепить... Можно подлеца вылепить, а можно доброго трудягу, каким ты сейчас себя и считаешь. Но сегодня ты все это с молодого гонору делаешь, понял? Мол, захочу, и выпел у меня будет, захочу – еще лучше сработаю. Любуешься ты собою, Володей, на публику работаешь... А вот когда ты будешь просто работать, ни на что не рассчитывая, и от этого удовольствие получать, а не выпелы, тогда ты и станешь настоящим, понял!..

– Что ты к выпелам привязался? – осерчал Володя. – Покоя они тебе не дают. Может, завидуешь?

– Завидуют, Володимир-свет батюшка, люди требовательные, с претензией к жизни, а мне ничего не надо... Я как тот Гурьян, что сыт и пьян! И запомни, шеф, для жизни одно главное правило: лапти воду не пропускают. Понял?

В это время в окне кабинета начальника лесопункта распахнулась форточка и грозный голос Медведкова окликнул:

– Василий! А ну зайди ко мне...

Соломатин зачем-то снял шапку, похлопал ею по валенкам, озорно подмигнул Володе и тонким, срывающимся фальцетом пропел очередную частушку:

К нам в деревню привезли
Сразу три писателя...
А в деревне два яйца,
И те – у председателя.

– Василий! – снова крикнул Медведков. – Ты чего там клоуна из себя ломаешь? Быстро ко мне!

– Во, понял, начальник, – уважительно ткнул в сторону окна пальцем Соломатин. – А твой Лопушков – фуфло...

– Почему это «мой»? – Володя непонимающе смотрел на Василия.

Но Соломатин не удостоил его ответом. Натянув шапку и шмыгнув носом, он приосанился, рывком распахнул дверь и решительно перешагнул порог конторы лесопункта.

По заснеженным просторам Амура с ревом неслись почтовые аэросани, поднимая за собой кудрявое облако снежной пыли.

Возвращаясь домой из школы, Нелли не удержалась и забежала в амбулаторию к Светлане. Забежала веселая, раскрасневшаяся с мороза и застыла у порога – Светка сидела за стерильно чистым столом с опухшими от слез глазами.

– Свет, ты это чего? – испугалась Нелли. – Что-нибудь случилось?

– Ага, – Светлана затрясла головой.

– Что случилось-то? С родителями что-нибудь?

– Не-е-а... Он уезжает, – она в отчаянии взмахнула рукой.

– Кто?

– Медведков... Павел Иванович.

О новом назначении Медведкова Нелли слышала, но как-то не связывала его с подругой, а тут вдруг поняла, что должно твориться в душе у Светланы.

– Ну вот что, подруга, – решительно села на тахту Нелли, – ты эти фокусы прекращай! От слез бабы быстро старятся, поняла? Что ты разнюнилась? Он у тебя на Северный полюс улетает, или, может быть, на Кубу? Всего-то восемьдесят километров – полчаса лета. На выходные села в самолет – и через полчаса ты уже там. Райцентр... Можно сходить вместе в кинотеатр или ресторан «Волна», можно посетить музей, на какой-нибудь концерт заезжих артистов попасть...

– Какой уж там концерт, – вздохнула Светлана.

– Да и он будет чаще сюда наезжать, – не сдавалась Нелли.

– Ох, Нел, не знаю... Не знаю, что мне делать?

– А что?

– Ну не век же так будет тянуться у нас... Рано или поздно все как-то должно же кончиться...

– Он семью не собирается бросать?

– Что ты! – напугалась Светлана. – Двое ребятшек... Я его сама после этого к себе не подпущу... Нет, только не это.

– А что же тогда? – искренне удивилась Нелли, внимательно разглядывая подругу.

– Я же говорю – не знаю... Ничего не знаю. Пока с ним – все так хорошо, обо всем забывается. А только он за порог... И думаю, и думаю... Честное слово, с ума можно сойти. И сойду, наверное...

На нее больно было смотреть, а чем помочь – Нелли не знала. Чтобы отвлечь Светлану от невеселых мыслей, сказала:

– А я завтра утром в Прибрежное лечу, на районный семинар прожектористов...

– Ой, Нел, смотри, – встревожилась Светлана, – о вас с этим прожектористом всю говорят. Как бы что не получилось...

– Пусть, – беспечно отмахнулась Нелли, – пусть говорят.

– Что, плохо так?

– Хуже некуда... Я уже спать с ним в одной постели не могу, – пожаловалась Нелли. – Он как захрапит, я и думаю: вот взять бы сейчас подушку и задушить. Правда, задушила бы. А ему хоть бы хны. Выспится и – подай поесть-попить. Кормлю, а сама опять думаю – хоть бы ты подавился, дубина стоеросовая.

– Нел, неужели до таких мыслей дошло?

– И похуже бывает...

– Уходи ты от него – и дело с концом! – горячо посоветовала Светлана. – Чего себя с этих лет мордовать? Дитя, слава богу, не нажили, ну и разбегайтесь побыстрее...

– Уйти, Свет, не проблема, – вздохнула на этот раз Нелли. – Вопрос – куда уйти и как дальше жить? Мне двадцать три года уже, еще раз ошибаться нельзя.

– А этот, прожекторист?

– Юрик? – Нелли задумчиво улыбнулась. – Нет, этот не годится. Ненадежный и тоже женат... И вообще, подруженька моя дорогая, все нормальные мужики давно женаты, а нам с тобой оставили тех, кто никому не пригодился.

Светлана тоже задумалась, отвернувшись к окну, потом со вздохом сказала:

– Кто его знает, может, мы лучших сами не заслуживаем? Может ведь так быть, Нел?.. Я вот как вспомню нашу группу – косые, кривые, все замуж повыходили и живут себе преспокойненько. А как только кто немного из себя что представляет – у тех все кувыркком и получается... Сколько и здесь вот за три года людей переженилось – живут. И только мы с тобой, как кукушки лесные... Ой, ладно, кончай базар! – потянулась Светлана. – А то бог знает до чего договоримся... Ты мне из райцентра фен привези, ладно? Я недавно такой видела – закачаешься.

«Как кукушки» – это Нелли запомнила на всю жизнь.

– Не знаю, прощаясь с Нелли у порога, сказала Светлана, – я летом, наверное, поеду все-таки поступать в институт...

– И правильно сделаешь! – горячо поддержала подругу Нелли. – Нечего возле него расиживать...

Конечно, советовать легче всего. Это Нелли прекрасно понимала.

– Малышка, ты не читала Есенина? Ну, знаешь, это уже слишком...

Они сидят на скамеечке огромного баркаса, до половины вытасченного на берег. Высокие борта надежно укрывают их от постороннего взгляда.

– А мы его в школе не проходили, – неуверенно отвечает Нелли.

– Ха-ха-ха! – громко хохочет блондин Жорка. – Ой, ты меня утомила! Не могу, держите меня, граждане, она в школе Есенина не проходила... Да ты послушай сюда. – Жорка хмурится и медленно, нараспев читает:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Он читает, полуприкрыв глаза, и волшебная, колдовская сила стихов покоряет Нелли, в первый раз услышавшую такие откровенные, такие смелые стихи.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну,
Не с того ли шальная сила
Потянула меня к вину...

Нет, это просто так невозможно слушать! Тайная грусть, восторг и уже печаль по чему-то несбыточному, недоступному ей сейчас, переполняют Нелли...

– Ты эти стихи хотела в школе услышать? Как бы не так! Да и это еще что. Ты вот послушай:

Ну целуй меня, целуй,
Хоть до боли, хоть до крови...
Не в ладу с холодной волей
Кипяток горячих струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселья не для нас.
Пей и пой, моя подружка –
На земле живут лишь раз!

Жорка обнимает и крепко сжимает ее плечи.

– Ну, целуй же! – он опрокидывает ее себе на колени и подставляет горячие губы. – Целуй, Малышка!

Медленно, все еще робко, она целует его, неумело сжимая рот. Жорка не выдерживает и впивается в ее полненькие, тугие губы жадным и бесконечно долгим поцелуем... У Нелли начинает кружиться голова, она чувствует, как вжимаются его губы в ее рот, и вот уже он скользнул зубами по ее зубам, что-то такое с ней происходит, и она мелко, как в ознобе, начинает дрожать, и уже сама делает встречное движение губами, испытывая страстное желание втиснуться в этого проклятого Жорку, раствориться в нем, умереть вместе с ним... Тело ее пустеет, приподнимается над землей, она понимает, что сейчас улетит в небеса и будет бездыханно парить там среди нестерпимо белых облаков, которые ласково и нежно примут ее к себе, и они вместе помчатся над землей – все быстрее, быстрее и быстрее... Но все-таки что-то удерживает ее, не пускает туда, в заоблачные выси, она болезненно ощущает, как держит ее земля, как не хватает ей какой-то малости, чтобы разорвать невидимые оковы, преодолеть непосильную власть...

Жорка отрывается, чтобы перевести дыхание, и в это мгновение она неожиданно обнаруживает, что он уже почти лежит на ней, что платье у нее заголено, а трусики приспущены... Неимоверный страх и стыд парализуют Нелли. Теперь она слышит его правую руку в самом неожиданном месте, окончательно трезвеет и, собрав все свои силы, с неистовством и гневом отшвыривает Жорку.

– Дурак! – почти в истерике кричит она, торопливо, неумело поправляя одежду. – Дурак! Дурак!..

Жорка сидит на дне баркаса и улыбается, бесстыже разглядывая ее. Она бросается на него, и с яростью принимается колотить куда попало, и трудно понять, чего больше она вкладывает сейчас в эти удары – страсти или зла...

– Как тебе не стыдно? – наивно спрашивает Нелли и с новой силой набрасывается на него.

– Я же пошутил! – отбиваясь, кричит Жорка. – Малыш, я только пошутил! Больше не буду, честное комсомольское... Чтоб мне на нее висеть – больше не буду-у...

И он, и она прекрасно знают, что будет...

Неяркое осеннее солнце улыбочиво и снисходительно смотрит на них, с усилием вкатывая самое себя на вершину далекого гольца, с которого видно так далеко окрест, что и край земли уже кажется не за горами...

В отдельный номер поселить Земляникину не удалось (шла районная партконференция), и Юра Трутнев откровенно загрустил. Он столько надежд связывал с этим мероприятием, а довольствоваться пришлось лишь вороватым поцелуем в коридоре гостиницы.

В номере уже жили две женщины. На Нелли, вошедшую в сопровождении Трутнева, они посмотрели враждебно, тоже явно недовольные посторонним человеком в их устоявшемся сообществе. Кто они – шут его знает... Вполне могут оказаться партактивистками: сегодня они в глубинке, на предприятиях, а завтра – здравствуйте вам: в кабинете заведующего отделом пропаганды райкома партии, а то и выше – в кресле третьего секретаря. За три года Юрик эту механику хорошо изучил и рисковать не стал. Он подкинул парттётенькам по комплименту, помог передвинуть стол, подсказал посмотреть в кинотеатре новый французский фильм с Бельмондо в главной роли (любимца таких вот пышненьких дам), и тетеньки оттаяли. К Нелли он обращался подчеркнуто официально и порадовался, когда она с первых же слов верно поняла и подхватила его игру. Он не прозевал тот момент, когда игру надо было заканчивать, и тоном переутомленного заботами человека сказал Нелли:

– Через час мы ждем вас в райкоме... Отметите командировку, ознакомитесь с планом семинара и мероприятиями. А пока устраивайтесь и отдыхайте...

Нелли понимала, какая неистовая буря кипит в душе Трутнева, каким благородным негодованием переполнен он сейчас и, взглянув на бодро уходящего Юрика, не сдержала улыбку.

– Большое спасибо за все, – вежливо поблагодарила она, а глазами, всем своим видом как бы сказала: «Бе-едный, бедный Юрик, как мне тебя жаль! Но что поделаешь – обстоятельства оказались сильнее желания инструктора райкома комсомола».

«О прекрасная, – ответил ей взглядом Юрик, – это только отсрочка... И тем торжественнее, тем прекраснее будет у нас финиш! Он уже близок...»

– Какой милый молодой человек, – сказала одна из полных женщин с золотыми зубами.

– Удивительно обходительный для наших мест, – сказала вторая полная женщина, но без золотых зубов.

– Он что, в райкоме комсомола работает?

– Да, – ответила Нелли.

– Интересно, интересно... А как его фамилия, не подскажете?

Конечно, это было бесцеремонно, но в соперницы дамочки никак не годились, и Нелли беспечно ответила:

– Трутнев... Юрий Матвеевич Трутнев...

– Как! – ахнула женщина с золотыми зубами. – Трутнев? Лиза, а не тот ли это Трутнев?..

– Если он в райкоме комсомола работает – значит тот, – ответила женщина без золотых зубов.

– Ах вот оно что! Ах вот он какой... Не случайно бедная Нина Петровна из-за него голову потеряла.

– И работу...

– И чуть было без семьи не осталась... А с него, значит, как с гуся вода? Видимо, есть кому защищать.

– Разумеется... А теперь он таких красивых и молоденьких девушек в гостиницу устраивает, – женщины дружно поджали губы и пренебрежительно уставились на смущенно-растерянную Нелли Земляникину. – Вы, голубушка, осторожнее с ним...

Он тут три года назад такого натворил...

Через полчаса Нелли знала о Трутневе все.

– Вот здесь распишитесь.

Нелли расписалась.

– Получите... И вот эти брошюры тоже вам. Обязательно все внимательно просмотрите, – не глядя на Нелли, скороговоркой частила моложавая чернобровая женщина.

В это время дверь открылась и в комнату заглянул мужчина лет тридцати в большой меховой шапке, очках, с крупными, грубоватыми чертами лица.

– Рая, где Косенок? – сильным, сочным голосом спросил мужчина.

– Поехал на рыбокомбинат, Сергей Сергеевич, – ответила Рая.

– Зачем? – мужчина перевел взгляд с Раечки на Нелли и задержал его дольше, чем того позволяли правила приличия.

Нелли спокойно выдержала взгляд.

– Так за этими самыми, Сергей Сергеевич, подарками для москвичей.

– А-а, – мужчина сдернул шапку и вошел в комнату, и Нелли неожиданно поняла, что вошел он из-за нее. – Как же я забыл? – И он опять с пристальным вниманием уставился на Земляникину. – А это кто у нас?

– Проектористы, – пренебрежительно ответила Рая, однако же с любопытством переводя взгляд с Сергея Сергеевича на Нелли.

– Вот оно что, – оживился мужчина. – Интересно... Давайте знакомиться, раз такое дело, – он подошел вплотную и протянул крупную, почти квадратную в кисти руку. – Сергей Сергеевич Бурлаев.

– Нелли Семеновна Земляникина, – поднялась со стула и вежливо подала свою руку Нелли.

– Очень приятно... Вы откуда приехали?

– Из Покровки.

– Из Покровки? – почему-то настороженно переспросил Бурлаев, и Нелли показалось, что в его голосе прозвучали нотки разочарования. – Понятно... Как у вас «проектор» работает?

– Это он уже спросил дежурно, на всякий случай, и Нелли в одно мгновение осознала, что если он сейчас потеряет к ней интерес, то уже более никогда не испытает его вновь.

– Как же ему не работать, – улыбнулась она, – если у нас такой наставник, как Юрий Матвеевич Трутнев...

Никогда, нигде и никто не учил ее этому, но она вложила в свою улыбку столько иронии, сколько требовалось именно сейчас, именно в этой ситуации. Глаза у Бурлаева потеплели, он тоже улыбнулся в ответ, как бы говоря ей этой улыбкой, что да, я вас отлично понял и рад тому, что вы правильно все оценили...

– Ну, желаю успехов на семинаре, – он вновь протянул руку и слегка задержал Неллину в рукопожатии. – Думаю, что мы еще встретимся.

– Спасибо, – тихо ответила Нелли.

– Рая, как только появится Косенок – пусть зайдет ко мне...

– Хорошо, Сергей Сергеевич.

– До свидания, – он вежливо кивнул Земляникиной и неожиданно легко и живо для своей крупной и слегка грузноватой фигуры вышел из комнаты.

– Билеты на обратный рейс всем заказали, так что не беспокойтесь, – вновь скороговоркой зачастила Рая. – Что касается плана работы и мероприятий – все у Трутнева. Пройдите, пожалуйста, в двадцать второй кабинет.

Последующие два дня оказались едва ли не самыми трудными в ее жизни. Неистощимая выдумка, энергия и упорство потребовались Нелли Земляникиной на то, чтобы оконча-

тельно не порвать с Юрочкой и, однако же, уклониться от посещения «Ротонды», как он назвал квартиру товарища, в срочном порядке отбывшего в неизвестном направлении. Юра скрипел зубами, Юра неистовствовал, готов был задушить ее, тискал и надсадно дышал в ухо при каждом удобном случае, но сделать ничего не мог.

– Да чего же ты добиваешься, в конце-то концов? – спросил он вечером второго дня семинара. – Завтра – последний день, а ты ведешь себя так, словно у нас в кармане целая вечность...

– Юрочка, милый, – засмеялась она в ответ, – а как зовут твою жену?

– Жена? При чем здесь жена? – на мгновение остыл Юра.

– А дети у тебя есть? Много?

– Да ты издеваешься надо мной! – сумрачно догадался Трутнев. – Но учти, Земляничка, я не из тех, кто позволяет шутить над собой...

– Юрочка, а кто такая Нина Петровна? Юрочка, что с тобой? Почему ты такой бледный?

– Ну, знаешь...

– Ты любил ее, да? А сейчас не любишь?

– Кто тебе про нее сказал? – хмуро спросил Трутнев.

– Да так, сорока на хвосте принесла...

– Это было давно, три года назад.

– И она была замужняя женщина?.. Однако, Юрочка, рискованная у тебя специализация... Кто тебя выручил в прошлый раз?

– Не болтай!

– Ты на него и теперь рассчитываешь?

Она переборщила, она недоценила Юрочкин гнев...

– Ты! Шлюшка Покровская, – схватив ее за плечи и сильно встряхнув, в ярости прошептал Трутнев. – Ты говори да не заговаривайся...

Нет, Юрочку Трутнева она не испугалась – он был смешон. Страх был иной – она может больше не встретить того, в массивных роговых очках, с грубоватыми чертами лица. А ей зачем-то надо было увидеть его еще хотя бы раз, услышать сильный, властный голос, почувствовать его рукопожатие... И она пошла на попятный:

– Юра, не надо, не разговаривай со мной так, – тихо и смиренно сказала она, когда приступ ярости у Трутнева поутих. – Я ведь тоже не железная... Мне говорят о твоих подвигах, я слушаю, ревную, бешусь, а потом, ты же знаешь – я болею... Ну, болею я, Юрочка, потерпи еще, мой хороший. – И не удержалась, опять кольнула его: – Удели сегодня чуть больше внимания своей жене – поверь, она будет так рада этому...

И Юрик покорно вздохнул:

– Язва же ты, Земляничка, а на вид такая сдобненькая... Хорошо, Нелли Семеновна, сегодня будь по-твоему. Но завтра! Учти, я ничего слушать не буду, я просто увезу тебя после банкета и если потребуется – изнасилую... Ты поняла?

Она поняла и на этот раз поверила Трутневу.

А семинар шел своим чередом. Выступления сменяли друг друга. Ораторы дружно, в один голос, призывали разоблачать беспорядки, бороться с ханжеством и подхалимством, с расхитителями социалистической собственности, пьяницами и тунеядцами. Просили быть стойкими и принципиальными, то и дело кивая на решения съезда, на постановления, тезисы, речи... Одни и те же слова, повторенные бесчисленное количество раз, превращались в погремушки: вроде бы бренчат, а о чем – поди разбери... Нелли порой казалось, что не только слова, но и сами ораторы на одно лицо. Да и не мудрено было бы их перепутать: в одинаково темных костюмах и белых рубашках с узкими галстуками, в туфлях с коричневатым отливом, даже прически у всех были одинаковые, словно бы они стриглись в один час у одного парикмахера.

Торжественные, важные, сидели ораторы в президиуме, слушая друг друга, дружно хлопая друг другу... Похоже было на то, что уже давным-давно никто из них не помнит, зачем, по какому поводу он здесь, да это для них, видимо, было не важно: главное – выступить, призвать, чтобы отметить свое здесь присутствие, свою значимость и преданность клану, к которому они все принадлежали. А как воспринимаются их слова, приносят хоть какую-то пользу или нет – уже никого не интересовало. Важно, чтобы эти слова были произнесены: хорошие, правильные, кем-то там одобренные, кем-то запущенные в тираж... «Выполняя решения съезда КПСС», «С заботой о совершенствовании организации соревнования в новых условиях», «Центральный комитет КПСС рекомендовал», «За досрочное выполнение очередной пятилетки», «Комсомол – верный помощник партии», «Молодежь, отвечая на призыв партии и правительства, должна быть в первых рядах»...

«Записать бы все эти лозунги на магнитофон, – уныло думала Нелли, украдкой зевая в первом ряду, – и три дня без остановки крутить. А командировочные, что пошли на ораторов из края – отдать на строительство детского сада».

Интереснее были мероприятия – коллективный выход в кино, посещение районного музея боевой славы, знакомство с коллективом художественной самодеятельности районного Дома культуры. Ну и, конечно же, с нетерпением ожидала Нелли заключительный банкет, почему-то уверенная в том, что именно на банкете и должно произойти то самое важное, то самое главное, ради чего она сюда и приехала. Угрозу Юрика Трутнева Нелли уже забыла и в расчет не брала. А знать бы ей, что и семинар, и банкет были затеяны единственно ради нее – ни в жизнь бы не поверила. Столько правильных людей, столько правильных слов – и все это ради такой банальной цели? Она догадывалась, что Юрик способен на многое, когда в нем зажигается страсть, но чтобы на такое...

В ночь на первое декабря все падал и падал снег: мягкий, пушистый, на меховых лапках, он укутал деревья и дома, поля и перелески, горы и долины. К позднему зимнему утру он перестал падать и начал бусенить, как говорят на русском Севере. Меховые лапки у снежинок отпали, затвердели, сжались, округлились и больно секли лицо вместе с небольшим низовым ветром, взвихривающим пуховое одеяло, срывающим белые одежды с деревьев, полей, гор и долин...

Часть вторая

I

Выступить на семинаре прожектористов Бурлаеву не удалось – все эти дни он был вплотную занят москвичами, перепорученными ему, как он понимал, расторопным Колей Литвиновым. Пришлось все дела забросить и полностью переключиться на доставание икры, балыков, унтов и оленьих рогов, которые в качестве сувениров должны были увезти работники финчасти ЦК комсомола. А дело это, доставание, весьма хлопотное, и далеко не всегда обходится просто звонком – приходилось подключать районный комитет партии, просить, договариваться, что-то обещать. Скажем, пустячное вроде бы дело – оформить оленьи рога: дарственные металлические пластины из нержавеющей стали с гравированной монограммой к ним прикрепить. Но, во-первых, надо найти эти пластины из нержавеющей стали, во-вторых – гравировщика и, наконец, специалиста, который взялся бы пластины оригинально на рога укрепить. Справились и с этим делом, хотя и пришлось нажимать на Кольчугина через райком партии... Кольчугин этот, природный комик, потребовал письменное распоряжение из райкома. Нарывается человек на каждом шагу, по каждому пустяку – с такими замашками ему вряд ли удастся надолго задержаться в директорском кресле. Даже несмотря на то, что за многие годы завод впервые стал выполнять план и обязательства. А начал-то как этот самый Кольчугин? Назначили его директором, а у него отпуск от прежней работы сохранился. Вот он и поехал на базу отдыха своего нового предприятия. Поехал, так сказать, инкогнито. Просидел там две недели: на лыжах покатался, в баре поотирался, в баньке попарился, шарики бильярдные покатал. На него, понятное дело, никто внимания не обращал. А он сел в директорское кресло и давай порядки наводить: кочегара базы отдыха – начальником цеха (тот раньше мастером был, потом обиделся на что-то и ушел кочегарить), массовика-затейника – директором заводского клуба, какие-то там секции организовал, сам штангой занимается. В общем – чудит человек... Никто ему пока не мешает, так зачем самому нарываться? С пластинами этими делов – на полтора часа, так нет же, развел вольнку... Потом проблема встала с берестяными туесками под мед. В продаже были только пятисотграммовые. Но ведь это себя не уважать – сувенир в пятьсот граммов меда людям преподносить. Тут уж в край пришлось обращаться. Прислали самолетом. Так вот время и разбежалось – не успел оглянуться, а уже людей провожать надо. Перед дорогой грех в баньке их не попарить, не угостить на славу и все самому надо делать, поскольку ранг у комиссии высокий, и даже второму секретарю их не перепоручишь. В общем, и попарились, и помылись, и угощение было на славу: уха из калужатины (рыболовецкой бригаде нанайского колхоза специальное задание было ее отловить), строганина из оленины, шашлыки по-карски (здесь, как всегда, Ваню не подкачал), икорка красная и черная, вяленая медвежатина... Гости остались довольны. Надо полагать, проблем по финансовой части в крайкоме комсомола не будет. И вот, наконец, загрузили почетную комиссию в самолет, буквально перед тем, как аэропорту закрыться по метеоусловиям, отправили в краевой центр. Гора, как говорится, с плеч. И все же при всей своей занятости, при всех обременительных хлопотах и заботах, Сергей Бурлаев не забывал про Нелли Земляникину. Сам себе удивлялся, когда вдруг в самый неподходящий момент вставало перед ним ее смуглое, круглое личико с пронзительно-синими глазами. Так хотелось хотя бы еще раз на нее взглянуть, да что взглянуть – лучше рассмотреть, выяснить, чем она его так зацепила? Синие глаза? Мало ли он их видел. Да и возраст не тот, чтобы глазами какой-то там девчонки из Покровки умиляться. Однако же – умилился...

С аэродрома он на несколько минут заскочил домой: переменить сорочку и смахнуть с лица уже успевшую отрасти дневную щетину. Мимоходом съел кусок торта и выпил чашку растворимого кофе. Бодрый, подтянутый, весело приказал своему шоферу Николаю:

- Гони, ас, на базу отдыха ремзавода!
 - Есть! – с готовностью откликнулся чернявый, похожий на цыгана, шофер Коля.
 - Если мало бензина – заправься.
- Коля вопросительно взглянул на него.
- Возможно, поедем в Домик лесника...
 - Понятно, – кивнул Коля и прибавил газ.

Закончился семинар, а Бурлаев так и не появился. Нелли, ожидавшая его появления все три дня, была сильно разочарована. Тем более, что она верила – он обязательно приедет, не может не приехать. Откуда взялась в ней эта уверенность – она не знала, но сердце, этот тончайший и непостижимый барометр женских чувств, подсказывало ей: он не может не быть! Но вот уже и семинар закончился, а его нет. Неужели ошиблась? Неужели «тончайший барометр» подвел ее на этот раз?

А Юра Трутнев между тем все не оставлял ее своим вниманием. Он то пристально разглядывал ее из президиума, то норовил хотя бы прикоснуться к ней во время перерыва, то вдруг она обнаружила в кармане кофты короткую записку от него: «Жду вечера. Больше не могу...» Ее передергивало от одной только мысли, что может у нее произойти этим вечером с Юриком Трутневым. Она не могла забыть и не забывала пренебрежения в голосах соседок по номеру, когда они узнали, кто такой молодой человек, так понравившийся им в первые минуты. Она представляла ту женщину после огласки ее отношений с Юриком, все ее мучения и беды, свалившиеся из-за Трутнева...

На банкете, с шумными тостами, рискованными остротами и милыми шутками, типа неожиданного тушения света, водки в фужере с минералкой, Нелли заметила, что ораторы разобрали по себе почти всех девочек-прожектористок и только ее никто не трогал. Видимо, Юриковы притязания на нее здесь ни для кого не были секретом. И вообще на этом семинаре, кроме ораторов, оказалось на удивление мало особей мужского пола. А уж девицы были – все как на подбор. И еще заметила Нелли, что держались девицы свободно, хорошо знали друг друга, многих ораторов звали на «ты». И точно так, как у ораторов были одинаковые галстуки и костюмы, у девиц не сходила с лица одинаковая дежурная улыбка и фальшивый интерес ко всему происходящему...

Нелли разговорилась с одной из них – она оказалась модельером из районного Дома быта, вторая – преподаватель детской музыкальной школы, третья, как и Нелли, была учительница.

- Неллочка, выйдем на минутку, – встал за ее спиной Трутнев. – Надо кое-что уточнить...

Они вышли из банкетного зала, прошли по коридору и Юрочка втолкнул ее в какую-то маленькую, тесную комнатку: Нелли успела заметить остов большого барабана и знамена с древками в углу. Юра щелкнул выключателем, и его руки тесно сомкнулись у нее за спиной. Неожиданно для себя Нелли разволновалась от его жадных прикосновений, от горячих поцелуев, прерывистого дыхания, чувствуя горячую, удушливую волну, подступающую к самому горлу...

Закрыв глаза, она отдалась его торопливым рукам, которые, выщупав грудь и плечи, скользнули вниз, задержались на животе и упали дальше, вызвав у нее протяжный, приглушенный стон.

- Юрочка, Юрочка, – шептала она, – не надо, Юрочка... Сюда могут войти-и...
- О-о, черт! – скрипнул зубами Трутнев и ослабил объятия. – Я уже не могу, Нел, сидеть и смотреть на тебя. Это каторга, м-м-м... это... это...

Он опять начал тискать ее, но Нелли уже овладела собой и твердо отстранилась.

Потом она вновь сидела за столом, боясь поднять на соседей взгляд: Нелли казалось, что все смотрят только на нее, прекрасно догадываясь, куда и зачем она ходила с Трутневым. Запоздалый стыд и удивление самой себе переполняли ее.

«Все, я развратница, – сидела и думала Нелли, с пьяным безразличием уставясь перед собой. – Низкая, грязная развратница. Мне мало одного мужа, мне подавай еще и еще... Ну и пусть! – вдруг разозлилась она. – Пусть это так! Все равно он не приехал, а обещал...»

Вспомнив Бурлаева, она тут же встряхнулась, подняла глаза и смело обвела взглядом бушевавшее застолье. Нет, думала она, никакая я не развратница. Это все потому, что его нет здесь. А будет он – и все станет хорошо. Она улыбнулась и тут же поймала ободряющий взгляд Трутнева: мол, вот и молодец! Надо улыбаться, надо ждать – скоро нам будет так хорошо!

Когда начали расходиться из-за стола, Трутнев шепнул ей на ухо:

– Подожди меня на улице. В автобус не садись – мы поедем на другой машине...

Она вышла на улицу с твердым намерением сразу же сесть в автобус. Была уже ночь. Ярко светили звезды. В ветвях деревьев кувыркалась ослепительно белая луна. По темной аллее навстречу ей на большой скорости неслась машина. Ослепив Нелли, испуганно отступившую в сугроб, машина резко затормозила, распахнулась дверца, и знакомый голос решительно сказал ей:

– Садитесь, пожалуйста, к нам...

Она тихо рассмеялась, стараясь разглядеть говорившего, ничего не увидела и подала руку в темное тепло машины.

– Гони, Коля, к Домику лесника! – сбоку от нее приказал голос...

– Есть...

Просто чудо, что вы в эту минуту оказались здесь, – сказал Бурлаев, чей профиль она уже хорошо различала рядом с собой.

– Я знала, что вы приедете...

– Вот как?..

– А вы разве об этом не знали? – смело спросила она.

Он засмеялся, откидываясь на спинку сиденья, потом спокойно и твердо сказал:

– Знал...

И мчалась машина по пустынной ночной трассе, выхватывая из темноты деревья и кустарники. Мелькали за боковым стеклом высокие снежные отвалы, километровые столбики, неясные тени близкой тайги. Потом они свернули на узкую лесную дорогу, и тайга подступила вплотную. Огромные еловые лапы, прогнувшись под снегом, казалось, тянулись к машине в напрасном усилии ее остановить. Иногда мелькали корни вывороченных деревьев: переплетенные в причудливый рисунок, они напоминали собою силуэт огромного спрута. Нелли всерьез казалось, что машина увозит ее от всего случайного и плохого к совершенно иной, бесконечно счастливой и радостной жизни, в которой нет и не может быть таких хамов, как Юрий Трутнев, и таких законченных тюфяков, как ее муж... Вот только эти спруты вдоль дороги, зачем они?

– Интересно, что там поделывает сейчас наш общий друг, Юрий Матвеевич Трутнев? – вдруг с легкой усмешкой сказал Бурлаев.

Она удивленно взглянула на него, поняла, что он обо всем догадывается, представила вытянутое лицо Юрика и весело, от души, рассмеялась:

– В самом деле – интересно...

И тут из-за очередного поворота Нелли увидела сказочный домик с островерхой крышей, одинокий огонек в окне, манящий и тревожный, и сразу поняла, что они приехали на место.

– Знакомьтесь, Нелли Семеновна, это – Мицубиси... Сегодня он здесь хозяин дома.

– Мицубиси? – удивленно переспросила Нелли, разглядывая маленького полного мужчину лет тридцати пяти, скромно и с достоинством поклонившегося ей.

– Да, его так зовут... А это Вано – непревзойденный мастер по шашлыкам.

– Очэн прыятно, – с кавказским акцентом ответил Вано, элегантно мужчина с лицом интеллигента.

– Это – Фужер, – кивнул на крутившуюся под ногами большую собаку Бурлаев. – А где Гашиш?

– Гашиш! – тут же позвал Мицубиси. – Гашиш, иди сюда...

Из боковой комнаты важно, с достоинством вышел угольно-черный кот с желтыми эллиптическими зрачками. Он потянулся, сел и равнодушно посмотрел на людей. Потом принялся тщательно вылизывать лоснящуюся от ухоженности шерсть.

– Как забавно тут все у вас, – не сдержала восторга Нелли, обводя большую комнату взглядом. – Какие-то собаки, какие-то коты...

– Да это не у нас, – засмеялся Бурлаев. – Это вот Мицубиси штаты раздувает...

Прошли в следующую комнату. Здесь под зеленым сукном стоял большой бильярд на четырехугольных массивных ножках. Мягкие ковровые дорожки приглушали шаги. Но более всего понравилось Нелли в третьей комнате, где весело горел огонь в камине, был выключен верхний свет и только у небольшого столика в углу мерцал красный фонарь, стилизованный под старину. Над камином она увидела охотничьи ружья и ножи, небрежно висевшие на небольших рогах дикого козла. Несколько кресел, журнальный столик, диван и полка с книгами придавали комнате интимно-уютный, почти домашний вид. Именно в такой комнате, с камином и этими вот ружьями, Нелли нестерпимо захотелось пожить. Чтобы вставать поздно-поздно утром, пить чай с медом, смотреть в окно на только что расчищенную от снега тропинку, а потом тепло одеться и пойти по этой тропинке в лес вместе с большой и умной собакой – Фужером. Долго бродить по лесу, слушать тонкий пересвист синиц, смотреть на далекие вершины гор, а потом устало возвращаться сюда, и здесь, на резном крыльце с перилами, ее встречает Бурлаев, спокойно глядя сквозь толстые стекла очков...

– Вам не скучно? – услышала она его голос.

– Ну что вы! Здесь так все интересно... Я просто задумалась...

– Хотите есть?

– Хочу, – она вопросительно взглянула на него.

– Сейчас все организуем.

– Может, мне помочь?

– Нет, – он снова засмеялся, показывая крупные, широкие зубы. – Здесь не принято помогать, Нелли Семеновна. Здесь просто отдыхают... Хотите посмотреть ружье?

– Да...

– Вот это, – он взял одно из ружей с вертикальными стволами. – Довольно редкое у нас в стране – голландское, производства фирмы «Меркель». Отличный бой, легкое... Держите...

Она осторожно приняла оружие, не зная, что с ним делать дальше.

– Посмотрите на гравировку.

А Нелли все пристальнее смотрела на него самого: большой, думалось – добрый, славный, он стоял очень близко от нее, и отблески огня из камина отражались в стеклах его очков. Несмотря ни на что, он казался ей сейчас недоступно-далеким, отчужденным, человеком из другой жизни, рядом с которым она совершенно случайно и ненадолго...

– Нелли Семеновна, вы где? – Бурлаев внимательно смотрел на нее.

– Здесь, – прошептала она, отдавая голландское ружье.

– Я вас зову, а вы не слышите.

– Я задумалась...

– О чем, если не секрет? – он повесил ружье на место и грузно повернулся к ней.

– Секрет, – просто ответила Нелли, глядя Бурлаеву прямо в глаза. – Пока – секрет...

Потом ужинали, и шашлык был великолепен, слушали музыку – что-то пела Ротару и Вахтанг Кикабидзе. Кот Гашищ, растянувшись невдалеке от камина, поглядывал на них одним глазом, изредка вздрагивая остренькими треугольными ушами. Мицубиси появлялся и уходил, оставляя на столе закуски.

– Они здесь так и живут? – спросила покрасневшая от вина Нелли.

– Зачем? – Бурлаев улыбнулся. – Они появляются здесь, когда это нужно. Формальный хозяин всего – районное охотничье общество. Неподалеку живет егерь Афанасий, он и при-
смаживает, и подтапливает зимой... А вам понравилось здесь?

– Еще бы! Я такого красивого и уютного дома просто не видела, – со вздохом призналась Нелли. – Все как в сказке... Мне кажется, вот ущипну я сейчас себя за руку – и сразу все пропадет.

– Тогда щипать не надо, – вновь улыбнулся Бурлаев.

– Не буду, – ответно улыбнулась Нелли. – А вы часто здесь бываете?

– Бываю, – усмехнулся Бурлаев, внимательно разглядывая Нелли и потихоньку отпивая вино из высокого фужера. – Почти всю минувшую ночь здесь была московская комиссия. При-
шлось встретить и хорошо угостить – исполнить, так сказать, долг гостеприимства.

– И это должны делать обязательно вы? – встревоженно посмотрела на него Нелли.

– Не всегда... Смотря какие гости к нам приезжают.

– Слава богу, – легко засмеялась она. – А то ведь так недолго и спиться...

– Разве я похож на человека, которому это угрожает? – удивился Бурлаев, и легкое отчуж-
дение возникло между ними. Нелли, почувствовавшая это, впервые поняла, что внешность этого большого и вроде бы простецкого человека обманчива, что с ним-то как раз и надо быть очень осторожной.

– Нет, конечно... Я бы с таким человеком никуда не поехала. Кстати, который теперь час?

– Половина первого... Вы хотите спать?

– Я устала и так много выпила сегодня...

– Хорошо, я вас провожу наверх.

По узкой крутой лестнице они поднялись на второй этаж и здесь, вдоль коридора, она увидела несколько дверей. Одну из них Бурлаев уверенно толкнул, щелкнул выключателем и пропустил Нелли вперед.

– Это ваша комната... Располагайтесь, отдыхайте...

Она разглядела узкую комнату, полутораспальную кровать с деревянными спинками, стол, стул и зеркало над столом. Между кроватью и столом едва помещалась небольшая тум-
бочка.

– Я буду здесь одна? – удивленно спросила она и поспешно добавила: – На этаже...

– Моя дверь напротив... Впрочем, бояться тут некого... Спокойной ночи, Нелли Семе-
новна.

– Спасибо...

Нелли стояла и слушала его удаляющиеся шаги по лестнице – ничего не понимая, рас-
терянная и жалкая. Потом медленно разделась, выключила свет и подошла к окну. Тяжелая,
жуткая темнота стояла под окном, как чужой и злобный дворовый пес. Даже снег не разре-
живал этот вязкий и погибельный сумрак. Нелли передернула плечами и с обидой подумала:
«Ушел... Почему? Я что-то не так сделала? Или сказала?»

Бесконечно одинокая, она лежала в постели и всерьез думала, что если Бурлаев не вер-
нется, она возьмет и умрет. «Пусть знает, индюк бесчувственный, как бросать женщину в
ужасно неуютной, темной и незнакомой комнате. И зачем было тащить меня сюда, если даже
слова доброго для меня не нашлось? Зачем было спасать от Юрика?..» – Вспомнив Юрика, она

засмеялась и впервые подумала о том, как вовремя и неожиданно появился Бурлаев, словно бы караулил ее невдалеке. А вообще все так странно получилось, так неожиданно и хорошо. Вот жила она тихо и спокойно, а потом словно в другой мир попала, на другую планету. Конечно, не все ей на этой планете нравится, но, видимо, к ней тоже надо привыкнуть, надо узнать ее законы... «А Бурлаев? Что думает он обо мне? Я ему понравилась или нет?.. Наверное, понравилась, иначе зачем бы он поехал со мною сюда? А он – мне?.. Возле него так надежно и спокойно. Кажется, никогда и нигде мне не было так спокойно, как с ним... И как все-таки хорошо, что он не торопится. Иначе чем бы он отличался от кобеля Трутнева? Ну нет, их сравнивать нельзя! Бурлаев – совсем другой. Бурлаев, это... это – Бурлаев... Он женат или нет? Странно, что я об этом ни разу не подумала. Мне все равно, женат он или нет, главное, чтобы я ему нравилась. Боже, как я хочу ему нравиться! Всегда, во всем... Ну может ведь так случиться, что он полюбит меня? Почему бы нет! Чем я хуже других? А какие здесь славные люди. Этот милый и странный Мицубиси. Гордый Ваню... А разве не сказка – Фужер, Гашиш... Кажется, идет? Нет, это ветер... А если и придет – я его прогоню. Обязательно прогоню и никогда к себе близко не подпущу. Пусть знает... Нет, в самом деле, я его выставлю из комнаты, пусть только попробует войти...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.